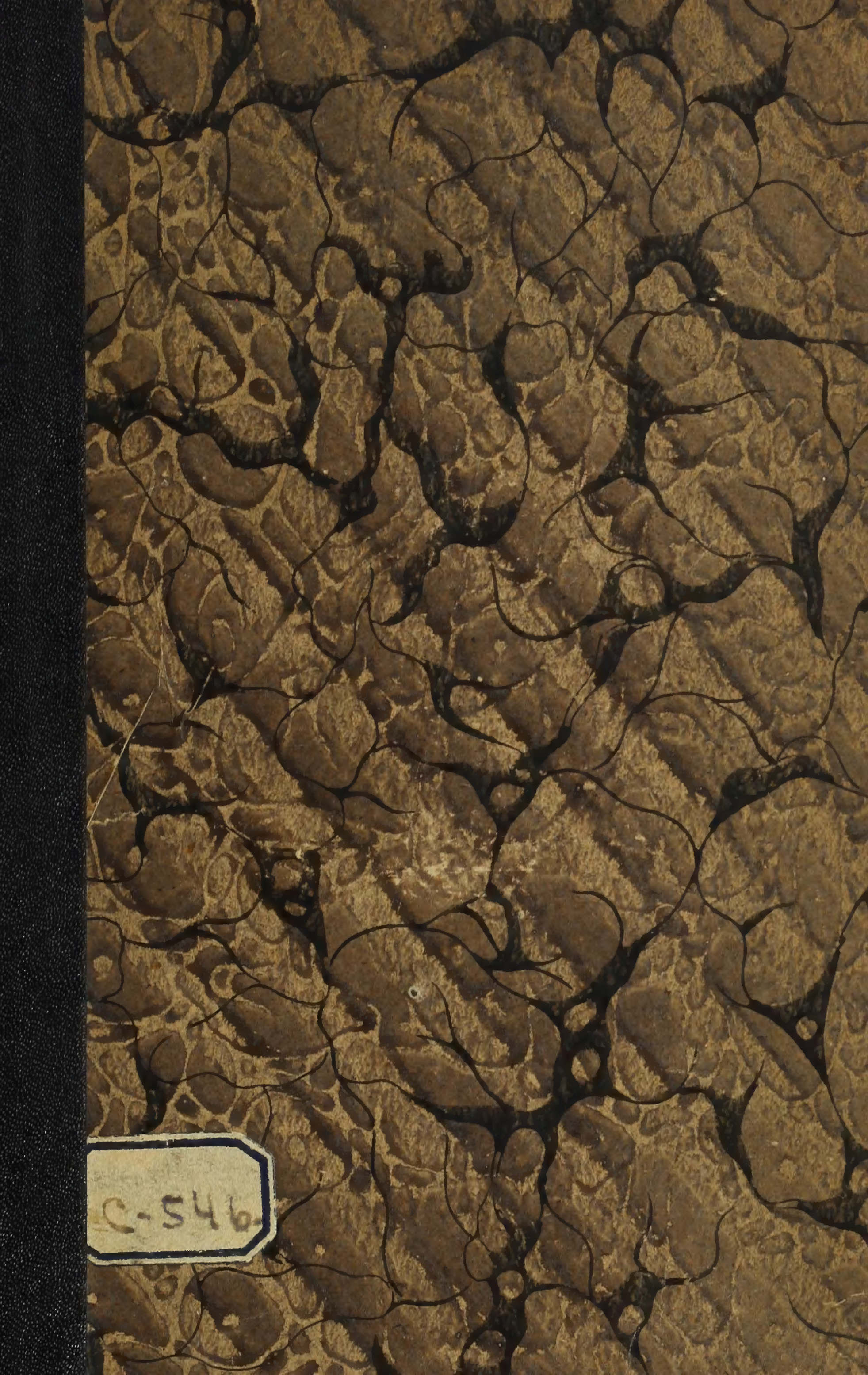

C-546

С. А. СОБОЛЕВСКІЙ.

ЭПИГРАММЫ И ЭКСПРОМПТЫ.

Подъ редакціей В. В. Каллаша.

ИЗДАНІЕ С. Г. МАМИКОНЯНЪ.

Москва. — 1912.

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.
Москва. — 1912.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга эта была задумана вмѣстѣ съ покойнымъ Николаемъ Лазаревичемъ Тарасовымъ. За день до смерти онъ перечитывалъ составленный мною сборникъ, наслаждался затѣйливой неожиданностью риѳмъ Соболевскаго, остроуміемъ и убійственной мѣткостью многихъ его эпиграммъ; въ роковой день мы должны были встрѣтиться, чтобы окончательно сговориться о подробностяхъ изданія. Судьба рѣшила иное...

Печатается она въ томъ видѣ, какой былъ намѣченъ во время послѣдняго разговора съ Н. Л. Я изложилъ ему свои сомнѣнія: многое рождалось у Соболевскаго экспромптомъ, запоминалось и записывалось по памяти, отсюда варіанты и, мѣстами, очевидная порча текста; многое утеряло отъ времени свою соль и нуждается въ комментаріяхъ, можетъ представить теперь только историко-литературный интересъ; эпиграммы Соболевскаго приписывались Пушкину, кн. Вяземскому и др.; ему могло быть приписано и то, что, на самомъ дѣлѣ, принадлежало другимъ, а между тѣмъ для рѣшенія спорныхъ вопросовъ пока еще слишкомъ мало данныхъ. Н. Л. возражалъ: мы сдѣлаемъ, что можемъ, соберемъ все, что можно было собрать,—пускай другіе дополнятъ и исправятъ нашу работу; Соболевскій—настолько характерная и крупная по своему своеобразному таланту

импровизатора и версификатора величина, что пора о немъ напомнить, обратить на него вниманіе; стоитъ только начать—начатое продолжать легче...

Соболевскій долженъ былъ быть только началомъ предпріятія. Оно не осуществилось, можетъ быть, не осуществится. Его первый выпускъ посвящается свѣтлой памяти Николая Лазаревича, который такъ тонко и такъ высоко цѣнилъ смѣхъ,—въ душѣ котораго столь своеобразно сплелись трагизмъ и юморъ...

В. К.

Москва, 16 февраля 1912 г.

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СОБОЛЕВСКІЙ.

Неизвѣстный сочинитель
Всѣмъ извѣстныхъ эпиграммъ,
Лжи и вычуровъ гонитель,
Врагъ всѣмъ дурамъ, всѣмъ глупцамъ...
Преспокойно негодуетъ
Нашъ неизданный поэтъ,
Острой шуткой всѣхъ бичуетъ,
И его боится свѣтъ!
Не найдешь его въ печати,
Наизусть извѣстенъ всѣмъ...

Гр. Е. П. Растопчина, „С. А. Соболевскій“.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ намъ встрѣтился такой эпиграфъ Соболевскаго къ своимъ стихамъ: „mes vers—ils ne sont pas pour la postérité; mais plutôt pour les posterieures“.

„Неизвѣстный сочинитель всѣмъ извѣстныхъ эпиграммъ“ никогда не относился серьезно къ своему таланту и, повидимому, не думалъ о печати: эпиграммы и экспромпты рождались у него стихійно, распылялись въ окружающей средѣ, создавая „неизданному поэту“ славу остроумца, но все болѣе замирая въ далекихъ отраженіяхъ.

Ими наслаждались Пушкинъ, Вяземскій, Жуковскій, Смирнова, Ростопчина, Шевыревъ; онѣ часто пригвождали къ позорному столбу торжествующую пошлость, самодовольное ничтожество; въ рукахъ Соболевскаго острыя эпиграммы часто дѣлались смертельнымъ орудіемъ—и убивали наповалъ, навсегда срастаясь съ памятью дѣятелей и явленій нашей общественности. Многое и

до сихъ поръ, въ виду своей смѣлости, не можетъ быть напечатано; въ свое время оно облетѣло Россію, сжато, съ неумолимою прямотою выразивъ то, о чемъ думали, но что боялись громко сказать всѣ другіе.

Типичный esprit fort стараго барскаго закала, Соболевскій живо откликался на всѣ событія русской жизни съ 20 по 60-ые годы прошлаго вѣка. Въ своихъ стихахъ онъ далъ цѣлую ихъ лѣтопись, подъ своеобразнымъ угломъ зрѣнія западника и будирующаго либерала: по словамъ Ростопчиной,

Онъ — баринъ въ полномъ смыслѣ слова,
Зато и барски либералъ,
Свѣтло уменъ, въ борьбу готовый
За святость умственныхъ началъ.
Ученъ, какъ старый докторъ-нѣмецъ,
А духомъ юнъ, какъ кандидатъ...

Къ сожалѣнію, точную хронологію его эпиграммъ пока установить невозможно: это — дѣло будущаго.

Незаконный сынъ А. Н. Соймонова и А. И. Лобковой, С. А. Соболевскій родился въ Ригѣ 10 сентября 1803 г. Печать незаконнорожденности, слабо прикрытой купленнымъ польскимъ дворянствомъ, всю жизнь тяготила его. Часто въ „свѣтѣ“ приходилось ему чувствовать ложность своего общественнаго положенія и эпиграммами отстаивать свое человѣческое достоинство.

Дома, благодаря матери, онъ получилъ блестящее первоначальное образованіе, въ томъ числѣ хорошее знаніе латинскаго языка. Благородный пансіонъ при Главномъ Педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ далъ ему меньше. Сложившіеся умственные, въ особенности литературные интересы заставили Соболевскаго много читать, а блестящія способности къ языкамъ

рано сдѣлали его тонкимъ знатокомъ славянскихъ, французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго, португальскаго языковъ, которыми онъ владѣлъ свободно. Изъ пансіонскихъ преподавателей особенное вліяніе имѣли на него Куницынъ, Галичъ, Арсеньевъ, Раупахъ и Кюхельбекеръ, проникнутые духомъ тогдашняго либерализма, — отчасти Плетневъ. Изъ товарищей онъ особенно сблизился съ Л. С. Пушкинымъ, а черезъ него подружился и съ А. С. Служба въ Московскомъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ сдружила его съ „архивными юношами“ (Веневитиновыми, Кирѣевскимъ) и ввела въ кругъ „Любомудровъ“ и „Московскаго Вѣстника“. Въ 1828 г. Соболевскій, послѣ смерти матери, отправляется за границу и, повидимому, принимаетъ участіе въ революціи 1830 г., о чемъ говорятъ глухіе намеки нѣкоторыхъ современниковъ. Жизнь въ Испаніи сблизила его съ семьей гр. Монтихо, матери будущей французской императрицы Евгеніи; въ Парижѣ онъ сошелся дружески съ Мериме. Съ 1852 г. онъ поселяется въ Москвѣ, принимаетъ участіе въ фабрикѣ своего друга С. И. Мальцева, занимается библіографіей, исторіей русской литературы и много времени отдаетъ возродившемуся Обществу Любителей Россійской Словесности. Изъ прежнихъ друзей въ эту пору онъ особенно былъ близокъ съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ.

Знакомство съ Наполеономъ III и императрицей Евгеніей заставило Соболевскаго принимать живое участіе въ дѣлахъ Франціи. Почти всѣ его деньги были помѣщены въ акціяхъ французскихъ желѣзныхъ дорогъ. Разразившаяся франко-прусская война и страшное паденіе французскихъ бумагъ разорили Соболевскаго, и, повидимому, вызванное ими потрясеніе было главною причиною его смерти. Умеръ онъ 6 октября 1870 г. и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

Послѣ него осталась исключительная по подбору и обилію уникокъ библіотека, купленная впослѣдствіи Британскимъ музеемъ: въ Россіи покупателей для нея не нашлось...

Современники оставили много свидѣтельствъ о своеобразной личности Соболевскаго. Съ особою любовью относился къ нему Пушкинъ, который часто повторялъ его стихи и остроты. Въ письмахъ великаго поэта есть много интересныхъ упоминаній о „Калибанѣ“, „Фальстафѣ“, „Животномъ“, какъ онъ въ шутку называлъ Соболевскаго. Для него онъ былъ „другъ и благопріятель“. Письмо сестры поэта О. С. Павлищевой такъ характеризуетъ ихъ взаимныя отношенія: безъ Соболевскаго „Александръ жить не можетъ. Все тотъ же на словахъ злой насмѣшникъ, а на дѣлѣ добрѣйшій человѣкъ“. Въ свѣтѣ Соболевскаго называли „Mylord qu'importe“.

Изъ собранныхъ нами эпиграммъ не могли быть напечатаны: „По случаю увольненія Клейнмихеля отъ службы“ („Ушелъ онъ, никѣмъ не оплаканъ“), „На бракъ Г. Н. Геннади“, „Вотъ женился Сашенька“, „О юныя лѣта младого наслѣдника“.

Бумаги Соболевскаго, по слухамъ, находятся у гр. С. Д. Шереметева. Намъ онѣ были недоступны. Вѣроятно, онѣ много дадутъ для выясненія авторства С. А. и установленія болѣе точнаго текста его стиховъ. Давно пора бы ихъ опубликовать... На свое изданіе мы смотримъ, какъ на предварительное и черновое. Будемъ надѣяться, что оно вызоветъ дополненія и исправленія, положитъ начало изученію одного изъ своеобразнѣйшихъ представителей „Пушкинской Плеяды“.

В. К.

17 февраля 1912 г.

ЭПИГРАММЫ и ЭКСПРОМПТЫ
С. А. СОБОЛЕВСКАГО.

На кн. П. И. ШАЛИКОВА.

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный,
Элегіи семьѣ своей читалъ,
А казачокъ огарокъ свѣчки сальной
Предъ ними съ трепетомъ держалъ.
Вдругъ мальчикъ нашъ заплакалъ, зарыдалъ...
„Вотъ, вотъ, съ кого примѣръ берите, дуры!“
Князь дочерямъ въ восторгѣ закричалъ:
„Откройся, милый сынъ натуры!
Ахъ, что слезой твой омрачило взоръ?“
А тотъ въ отвѣтъ: „мнѣ хочется на дворъ!“

На Б. М. ѲЕДОРОВА.

Ѳедорова Борьки
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
А доносы гадки.

На М. А. ДМИТРІЕВА.

Михайло Дмитріевъ помре,
Онъ былъ чиновникъ въ пятомъ классѣ.
Онъ—камеръ-юнкеръ при дворѣ
И камердинеръ на Парнасѣ.

М. А. ДМИТРІЕВУ.

Такъ, я въ твоемъ ошибся классѣ;
Но, вѣрно, въ томъ не ошибусь,
Что ты—болтушка на Парнасѣ,
Плевальница для музъ.

ПРИ ВСТРѢЧѢ СЪ ДѢВУШКОЙ, КОТОРАЯ НѢКОГДА ОЧЕНЬ ХВАЛИЛА НѢКОЕГО ВРАНГЕЛЯ.

Вы о маіорѣ Врангелѣ
Говаривали мнѣ,
Какъ будто бы объ ангелѣ:
Что онъ теперь, не въ рангѣ ли
Des gens abandonnés?

Когда морскою ванною
Лѣчился онъ отъ ранъ,
Вы были ему манною,
И тамъ-то съ вами, съ Анною,
Затѣялъ онъ романъ.

Онъ (вслѣдствіе усилія) внѣ
Любви вамъ не казалъ;
Но часто о Васильевнѣ
Вздыхая: „Va, sielle venait“
Сквозь слезы онъ шепталъ.

На Г. Н. ГЕННАДИ.

За то, что жизнь ярыжника
Безъ пѣсенъ онъ издалъ,
Ужъ я бъ Григорья Книжника
Порядкомъ наказалъ.

Ужъ подучу Игнатьева,
Что слѣдуетъ ему
И сѣчь его, и гнать его,
И засадить въ тюрьму.

Вамъ жить въ Москвѣ! Не въ Портѣ-ли?
Москва не то, что Питеръ!
Здѣсь много перепортили
Бумагъ, чернилъ и литеръ.

Изъ нихъ ужъ не двѣ трети ли
Вы, вы перемарали,
А мы у васъ не встрѣтили
На грошъ въ перѣ морали!

Городите турусы вы,
Турусы на колесахъ;
А тамъ княжны Урусовы
По васъ чуть не въ плерёзахъ...

Гр. А. Д. БЛУДОВОЙ.

Я не причастенъ сектѣ оной,
И въ панславическомъ жару
Передъ Булгарскою Мадонной
Я на колѣни не паду.
Смѣшны мнѣ синіе чулочки,
Хотя бъ и въ пожилыхъ годахъ,
Хотя бъ на министерской дочкѣ,
На камерфрейлинскихъ ногахъ.

ГОРОСКОПІЙ, УЧИНЕННЫЙ ПО СЛУЧАЮ РОЖДЕНІЯ ЯСНОВЕЛЬМОЖНАГО АЛЕКСАНДРА АЛЕКСѢЕВИЧА ВАСИЛЬЧИКОВА.

Поэтъ-пророкъ! Вотъ почему
Двоякій вамъ предвижу жребій;
Внемли глаголу моему,
Новорожденный крошка-бебій!

Надѣлаешь ты тьму дѣтей,
Какъ истый внучекъ Разумовскихъ!
Попрешь огромностью статей
Ты всѣхъ возможныхъ Третьяковскихъ!

Тебѣ пророчу я талантъ
Различныхъ качествъ и манеровъ,
Издашь ты не одинъ фольянтъ,
Царю наставишь гренадеровъ.

Отъ этого намъ—кутерьма,
Тебѣ подъ старость—стонъ и плачи;
Построишь для сынковъ дома,
И наготовишь дочкамъ дачи.

А для меня расходъ другой:
Покупка новыхъ книжныхъ шкаповъ,
Лишь только будешь ты большой,
Вотъ какъ Шиповъ или Потаповъ.

КЕТЧЕРУ.

Вотъ и онъ, любитель пира
И знатокъ шампанскихъ винъ,—
Переперъ онъ намъ Шекспира
На языкъ родныхъ осинъ.

М. П. ПОЛУДЕНСКІЙ АКТРИСѢ МУХИНОЙ, БРАТЪ КОЕЙ — СТОЛЯРЪ ВЪ ДЕГТЯРНОМЪ ПЕРЕУЛКѢ НА ТВЕРСКОИ.

Близко Англійскаго клуба
Чудный бережетъ товаръ
Нѣкто мастерства сугуба:
Онъ обойщикъ и столяръ.

Какъ его набита мебель,
Какъ удобна и легка
И для юношескихъ .....,
И для лѣни старика!

Счастливъ онъ! Не тѣмъ, что кресла
И диваны продаетъ—
Нѣтъ, онъ счастливъ тѣмъ, что чресла
Мухиной на ней кладетъ.

Ангелъ мой, не будь же дурой,—
Прочь, законные мужья!
Вѣдь столярной политурой
Не побрезгаю ужъ я!

Пусть шепнетъ мнѣ милый ротикъ,
Что пришла, дескать, пора—
И набью я твой ....,
Вѣрь, не хуже столяра!

Гр. Е. П. РОСТОПЧИНОЙ.

Ахъ, зачѣмъ вы не бульдогъ,
Только пола нѣжнаго!
Полюбить бы я васъ могъ
Очень больше прежняго!

Ахъ зачѣмъ вы не бульдогъ
Съ поступью, знать, гордою,
Съ четвернею бѣлыхъ ногъ,
Съ розовою мордою!

Какъ не цѣловать мнѣ лапъ,
Бѣлыхъ, какъ у кролика,
Коль лобзанье ногъ у папъ—
Счастье для католика?..

Быть графиней — что за стать?
И съ какою ручкою
Вы осмѣлитесь сравнять
Хвостикъ съ закорючкою?..

Ф. Ф. ВИГЕЛЮ.

Ахъ, Филиппъ Филиппычъ Вигель!
Тяжела судьба твоя:
По-нѣмецки ты — Schweinwigel,
А по-русски ты — свинья!

Счастливъ домъ, а съ нимъ и флигель,
Въ коихъ, свинства не любя,
Ахъ, Филиппъ Филиппычъ Вигель,
Въ шею выгнали тебя!

Въ Петербургѣ, въ Керчи, въ Ригѣ ль,
Нѣтъ нигдѣ тебѣ житья:
Ахъ, Филиппъ Филиппычъ Вигель,
Тяжела судьба твоя!

Гр. А. Ѳ. РОСТОПЧИНУ.

Суровый Дантъ не презиралъ сонета.
Мы слышали, что данъ вамъ нѣкій чинъ.
За что же вамъ дана награда эта?
Что взяли вы?—Ургу иль Маймачинъ?

И вслѣдствіе сего мы, два поэта,
Знать не хотя награды сей причинъ,
Вамъ шлемъ привѣтъ на край далекій свѣта,
Любезный нашъ шталмейстеръ Ростопчинъ.

Сей чинъ вѣрнѣй, чѣмъ цѣпь Анонціады
И съ королемъ Сардинскимъ кузинажъ,
Когда при немъ возвышены оклады

Иль есть другой солидный авантажъ.
И такъ сему мы награжденью рады
И вамъ кричимъ: куражъ, куражъ, куражъ!

АВРОРѢ ШЕРНВАЛЬ.

Сіяетъ Аврора,
Свѣжа и румяна;
Въ ней много для взора,
И шишъ для кармана.

НА ПѢВЦА ГУЛАКА-АРТЕМОВСКАГО.

Артемовскій:

Adornato d'un tuluppo
Di ovtchina o di lupo,
Me ne vado in luoghi ameni
Per mangear della batveni,
Nella qual ho messo un poco
Con del luc dello tchesnoko...
Per rigar in libertà.

Хоръ:

Vadi, vadi, qual tu sia
Nella Piccola Rossia;
Sarai sempre, car'amico,
Neotessanni mujicco.

НА „МАЯКЪ“.

Просвѣщенія „Маякъ“
Издаетъ большой дуракъ,
По прозванію Корсакъ;
Помогаетъ дурачокъ,
По прозванью Бурачокъ.

ПОСЛАНІЕ С. П. ШЕВЫРЕВУ Н. М. РОЖАЛИНА.

Описать тебѣ хочу я,
Почему, о милый мой,
Къ вамъ пріѣхать не могу я
Изъ Баваріи пивной.
Здѣсь держи лишь востро ухо
И глаза впери горѣ:
Мудрствовать не будетъ сухо
Для жильцовъ Буасере.
Гередитокъ очи черны
На меня устремлены;
Пухты, Шеллинги и Шорны
Чуть въ меня не влюблены;
На меня лишь уповаетъ
Славный Тиршъ въ ученой прѣ,
И слюну свою пускаетъ
Госпожа Буасере.
Мнѣ прославиться на свѣтѣ,
Если здѣсь пробуду я,
И великій скажетъ Гете
Всей Европѣ про меня:
„Вотъ студентъ, рекомендую!
Что ни день, то по зарѣ
Голову его младую
Мочитъ другъ Буасере“.

НА ИЗДАТЕЛЯ А. С. ПУШКИНА.

О, жертва бѣдная двухъ адовыхъ исчадій:
Тебя убилъ Дантесъ и издаетъ Геннадій!

ВОПІЮЩАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ.

Скопятъ людей у нашей братьи!
Про это свѣдавъ, на бѣду
Приказъ: всѣхъ насъ забрать, и
Немедленно предать суду.
Чьего жъ заступничества ради
Другимъ скопителямъ просторъ?
Не подъ судомъ до этихъ поръ
Отрѣшковъ, Анненковъ, Геннади!

ЮБИЛЯРУ.

Сегодня праздникъ — юбилей,
Ради того, что баринъ нѣкій
Былъ великій дуралей
Цѣлыхъ пять десятилѣтій.

С. П. ШЕВЫРЕВУ.

О, сколько бъ вовсе безъ твореній
Осталось нашихъ авторȯвъ,
Когда бъ настало возвращенье
Всѣхъ перекраденныхъ стиховъ!
Хвостовъ,
Шишковъ
И, не считая прочаго,
Лихонина и Ротчева,
Степанъ Петровичъ Шевыревъ!

А. П. ЕЛАГИНОЙ.

Святая мученица Евдокія,
Моли Бога о насъ!
Мы всѣ грѣшные такіе!!!
А первый изъ нихъ азъ.
Святая мученица Евдокія, моли Бога о насъ.
Мы всѣ усердно
Къ тебѣ прибѣгаемъ,
А ты милосердно
Напои насъ чаемъ.
Святая мученица Евдокія, моли Бога о насъ!

НА Л. С. ПУШКИНА

(брата поэта).

Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ
Не лишенъ разсудка,
Но съ шампанскимъ жирный пловъ
И съ груздями утка
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка.

КН. В. Ѳ. ОДОЕВСКОМУ.

Случилось разъ во время оно,
Что съ дерева упалъ комаръ:
Запиской въ комитетъ ученый
Тебя зовутъ, князь Вольдемаръ.

Принявъ въ соображенье казусъ,
Ты, рывшись въ книгахъ, разсудилъ,
Что въ Роттердамѣ жилъ Эразмусъ,
Который въ парикѣ ходилъ.

Одушевленъ его примѣромъ,
Ты сбрилъ власы, надѣлъ парикъ
И свойственнымъ тебѣ манеромъ
Таинственно главой поникъ.

„Комаръ, безъ всякаго сомнѣнья“—
Ты провѣщалъ—„есть Божья тварь;
Но въ музыкальномъ отношеньи
Межъ насѣкомыхъ онъ—звонарь!

И такъ какъ онъ паденьемъ въ полѣ
Не причинилъ лѣсамъ вреда,
Предать сей случай Божьей волѣ,
А тварь избавить отъ суда!“

Кн. В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ СИДОРУ.

Съ тобою, милый Исидо̀ръ,
Сіамскіе мы точно братья.
Какъ буду музыкальный вздоръ
Безъ помощи твоей играть я?

Для утъ, ре, ми, фа, соль, ля, си
Уходъ твой отъ меня ужасенъ:
Какой прибавки ни проси,
Впередъ я на нее согласенъ.

Кн. В. А. ЧЕРКАССКОМУ.

(когда выбрали его московскимъ городскимъ головой).

Глава Москвы первопрестольной,
Тебѣ къ безсмертью легокъ путь:
Для этого тебѣ довольно
Одинъ приказъ лишь подмахнуть.

Безсмертьемъ наградятъ заранѣ
Того, кто здѣсь устроитъ то,
Что благодарно парижане
Именовали Рамбюто.

На каждой улицѣ, Черкасскій,
Устрой такой же намъ пріютъ:
Изъ благодарности Черкасскимъ
Его въ народѣ прозовутъ.

НА „ОБОЗЪ КЪ ПОТОМСТВУ“ Н. В. СУШКОВА.

Идетъ обозъ
С Парнасса,
Везетъ навозъ
Пегаса.

НА ЧТЕНІЕ К. К. ПАВЛОВОЙ ВЪ ОБЩ. ЛЮБ. РОС. СЛОВ. ВЪ МАѢ 1866 Г.

Забывъ о милой Каролинѣ,
О прелести ея стиховъ,
Я уѣзжалъ вчера in's Grüne
Послушать майскихъ соловьевъ,
А бывшія въ собраньи лица
Единогласно говорятъ,
Что эдакъ воетъ лишь волчица,
Когда берутъ у ней волчатъ.

НА МОГИЛУ N. N.

Вотъ жизнь афериста!
Ужъ былъ человѣкъ!
Игралъ онъ Эгиста,
Игралъ и юриста,
Игралъ журналиста,
Во все весь свой вѣкъ
Играя нечисто.

НА ПОЛЕВЫХЪ.

Нѣтъ подлѣе до Алтая
    Полевого Николая,
И глупѣе нѣтъ отъ Понта
    Полевого Ксенофонта.

К. К. ЯНИШЪ (Павловой).

„Даруетъ небо человѣку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
На старости печальныхъ лѣтъ“.
Но тотъ блаженнѣй, Каролина,
Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
Нарочно ѣдетъ изъ Берлина,
Чтобъ только посмотрѣть тебя!

КОРИФЕЯМЪ МОСКОВСКАГО СЛАВЯНОФИЛЬСТВА.

Во имя страннаго святого
Поставленъ ихъ славянскій скитъ.
На бочкѣ пѣнника простого
Блаженный Кокоревъ сидитъ.
Предъ нимъ, колѣнопреклоненный,
Не чуждый также откуповъ,
Кадитъ усердно мужъ почтенный,
Творецъ „Бесѣды“ Кошелевъ.
И воскадитъ ему онъ паки,
Пока ему не сломитъ рогъ
Кабакомудрый Бенардаки,
Продавшій дважды Таганрогъ.

НА ЗАСѢДАНІЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБ. РОС. СЛОВЕСНОСТИ. (1859)

Когда я былъ Аркадскимъ принцемъ,
Я также былъ библіофилъ
И свой народъ я, какъ гостинцемъ,
Статейками не разъ дарилъ.
Но что въ статейку ни поставь я,
А все лицомъ ударюсь въ грязь!
Проклятая библіографья
Никакъ, никакъ мнѣ не далась.

Когда я былъ Аркадскимъ принцемъ,
Въ Аркадьи ферму я завелъ,
Уютный домикъ съ мезонинцемъ,
Дворъ для овецъ и улья пчелъ.
Топить и домъ, и мезонинецъ
Не нужно покупать мнѣ дровъ:
На это мнѣ пришлетъ въ гостинецъ
Свои изданья Пустячковъ.

Я не бывалъ Аркадскимъ принцемъ,
Но у вельможныхъ у господъ
Въ смиреньи былъ я челядинцемъ,
И очищалъ я имъ проходъ.
И надувалъ я очень много
И многихъ, милые, изъ васъ.
Авось ли Господа я Бога
Надую тоже въ смертный часъ!

ХОРОМЪ ВСѢ ПРОЧІЕ.

Когда я былъ Аркадскимъ принцемъ,
Въ Любителяхъ я засѣдалъ.
Всѣхъ просимъ: нами, какъ звѣринцемъ,
Любуйтеся, великъ и малъ.
Какіе всѣ мы купидоны!
Кто Антиной, кто Аполлонъ!
Почто жъ, беременныя жены,
Отъ васъ мужья насъ гонятъ вонъ??

К. К. ЯНИШЪ-ПАВЛОВОЙ.

Ахъ куда ни взглянешь,
Все любви могила!..
Мужа мамзель Янишъ
Въ яму посадила.
Молитъ эта дама,
Молитъ все о мужѣ:
„Будь ему та яма
Уже, хуже, туже“...
„Въ ней его держите
Лѣтъ, если возможно,
Хоть бы до десятку,
А тамъ съ подорожной
Пусть его хоть въ Вятку,
Коль нельзя въ Камчатку!“

САЛОНЪ кн. В. Ө. ОДОЕВСКАГО.

Въ московскіе салоны
Гдѣ наилучшій тонъ,
Повадились вдругъ фоны.
Одинъ изъ нихъ такъ фонъ!

Сего мы фона фонамъ
Всѣмъ ставили въ примѣръ;
Притомъ онъ былъ барономъ:
То былъ баронъ фонъ-Беръ.

И кто же ему ровенъ!
Фонъ-Роппъ или фонъ-Реккъ,
Хотя про нихъ фонъ-Ховенъ
Преблагосклонно рекъ?

Но лишь Орелъ-Ошмянцевъ
Является въ салонъ,
То всѣхъ эстъ-лифъ-курляндцевъ
Гони метлой хоть вонъ.
О россъ, симъ будь утѣшенъ!
А нѣмцамъ вотъ урокъ,
Сколь нашъ, россійскій фешенъ
Предъ западнымъ высокъ.

ОРЕЛЪ СЪ ЕГО УѢЗДАМИ, ИЛИ ЛЕЛЬКИНЪ ПЛАЧЪ. EXERCICE DE MNÉMONIQUE, MÉTHODE ODOEWSKI.

Ахъ, папаша, ахъ, мамаша!
Съ мужемъ что у насъ за каша!!
Какъ-то рѣчь я завела,
Что милѣе нѣтъ Орла.

Ну, какъ взъѣстся мой Сережа!
Говоритъ: „ты Лелька,—рожа! *)
Хоть стоитъ онъ надъ Окой,
Вашъ Орелъ, такой-сякой,—

Брянскъ, Малоархангельскъ, Ливны
И Карачевъ мнѣ противны.
Пресловутый вашъ Елецъ
Мерзокъ изъ конца въ конецъ.

Мценскъ вашъ, Болховъ да и Кромы
Мнѣ по гадостямъ знакомы,

*) Прим. Соболевскаго: „любимая нѣжность супруга“.

Точно такъ же, какъ Трубчевскъ.
Сносны только Дмитровскъ, Сѣвскъ“...

— На уѣздъ все мѣтитъ Сѣвскій
Муженекъ мой Соболевскій!..
Знать, попался онъ, пострѣлъ,
Тамъ въ амурный передѣлъ!!

Да не жить ему въ немъ! Съ Лелькой
Жить ему въ Орлѣ—и только.
У папа казенный домъ:
Не платить намъ за наемъ.

Ахъ, папаша, ахъ, мамаша!
Съ мужемъ что у насъ за каша!!“

Елена Соболевская, урожденная * * *

14 ноября 1869.

КАНКРИНІАДА.

(1839).

Кто на сѣверъ нашъ суровый
Изобиліе пролилъ,
И ему вѣнокъ лавровый
Самъ народъ опредѣлилъ?

Кто странѣ, скажите, отчей
Придалъ исполинскій ростъ?
Кто построилъ, чудный зодчій,
Самопадающій мостъ?

То Канкринъ!!! Пришелъ съ алтыномъ
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ;
Сталъ Россіи вѣрнымъ сыномъ,
Понабивъ тебѣ карманъ.

Канкрину Россія вѣритъ
Золото и серебро;
Онъ за русское добро
Депозитомъ такъ и ......

Окомъ быстрымъ и прилежнымъ
Онъ повсюду проникалъ,
За Ураломъ вѣчно снѣжнымъ
Геспериду отыскалъ.

Золотые самородки
Наши!! — и порукой въ томъ
Купленный у Безбородки
Трехъэтажный пышный домъ.

Они наши, они слиты,
На нихъ выбитъ нашъ орелъ,
И на нихъ у графа Литты
Онъ имѣнье пріобрѣлъ!!

Сѣрно-кисленная влага
Намъ полезна, призналъ онъ,
И для общаго всѣхъ блага
Захватилъ себѣ Бальдонъ.

Въ окончаніе легенды
Чтò осталось мнѣ сказать?
За собою всѣ аренды
Онъ умѣетъ удержать.

Сиднями сидя на печкѣ,
Мы узнаемъ, наконецъ,
Что для нѣмца мы овечки,
Шленскихъ прибыльнѣй овецъ!

ЭПИЛОГЪ.

И. С. МАЛЬЦОВУ.

Надъ министромъ иль колонной
Ты не смѣйся! Горе тутъ!
Обойдутъ тебя короной,
Станиславомъ обнесутъ,

И пошлютъ тебя въ Бразилью,
А не то, чтобы въ Парижъ!
За служебныя усилья
Ты получишь только шипъ.

А со мною будетъ peggio!!!
Въ съѣзжій домъ меня возьмутъ,
И по всѣмъ частямъ arpeggio
Rinforzando зададутъ.

Зададутъ мнѣ fice-face,
И за тяжкіе грѣхи
Будутъ сѣчь меня тѣмъ паче,
Чѣмъ смѣшнѣй мои стихи!

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

I.

Мнѣ Мюнхенъ памятенъ на вѣки,
Искусства и наукъ притонъ!
Сокровищами библьотеки
Я удивленъ, я завлеченъ.

Первопечатныхъ... Но мнѣ трудно,
Шалитъ капризный мой животъ,
И на чердакъ меня на .....
Отвелъ задобренный кустодъ.

Потомъ иду къ Пинакотекѣ,
Куда любители картинъ
Приходятъ, какъ приходитъ къ Меккѣ
На поклоненье Музеллинъ.

Мурильо!.. снова ....
Мнѣ надобно; кляня судьбу,
По лѣстницѣ спѣшу спуститься:
Здѣсь abtritt сдѣланъ въ погребу.

Вотъ, наконецъ, и Глиптотека,
Ваянія изящный храмъ!
Какъ придалъ геній человѣка
Божественность самимъ богамъ!

Какъ мраморъ иль металлъ покорно
Имъ претворенъ въ людскую плоть,
Дабы въ плоти той рукотворной
Безплотный зрѣлся бъ намъ Господь.

Дабы герой, философъ, въ самой...
Опять зоветъ, и не слегка;
Гляжу и сѣмо, и овамо—
Ни погреба, ни чердака!!

А въ брюхѣ трубы и литавры...
Вотъ садъ! Туда, туда! Въ саду,
Гдѣ такъ тѣнисты миртъ и лавры,
Пріютъ подъ кустикомъ найду!

Въ вагонѣ 8 сентября 1861.

II.

Отсель къ странамъ Италіи
Хочу воспѣть поѣздъ!
Какія все каналіи
Живутъ въ тебѣ Тріестъ!

Въ столицѣ сей Илиріи,
Лѣтъ пять тому назадъ,
Мучительные чиріи
Покрыли весь мой ....

Желая исцѣленія,
Я сѣлъ на пароходъ,
И потерпѣлъ мученіе
Сосѣдственныхъ блевотъ.

Ужасное мученіе!
Отъ рвоты страшный смрадъ,
И хуже ....
Не испускаетъ ....

Приплыли мы къ Венеціи.
Ведутъ насъ въ лазаретъ,
И разныя жгутъ специи—
Таковъ у нихъ декретъ.

Недуренъ храмикъ Маркуса...
Читали мы въ „Молвѣ“,
Что строенъ онъ въ честь Маркуса,
Что докторомъ въ Москвѣ.

Доволенъ я Европою—
Прекраснѣйшій трактиръ.
Хозяйка съ ....
Мнѣ ставила .....—

За то, что арсенальскія
Тамъ устрицы пожравъ,
Я за table d'hote канальскія
Пускалъ и пифъ и пафъ.

И что за наслажденіе!
Лишь только я на тазъ,
И съ гондолъ льется пѣніе
Твоихъ октавъ, о Тассъ!

Не все сидѣлъ за книгою,
Не все я разсуждалъ—
Съ графиней Моченигою
По Lido я гулялъ.

Плѣнялъ своими курами
Я тамошнихъ красотъ
И вѣнчанъ былъ амурами
Разовъ... до пяти сотъ.

А. И. ФОНЪ-КРУЗЕНШТЕРНУ.

O wäre ich ein Potentat
(Das sollte mir jedoch gebühren),
Wer würde lenken meinen Staat
Und meine Heere führen?
Wer würde tragen meinen Stern
Und meine Orden? Woll kein andrer,
Als Du, mein lieber Alexander
Ifanowitch von Krusenstern!

НА ОТЪѢЗДЪ КНЯЗЯ ЧЕРНЫШЕВА НА КАВКАЗЪ ДЛЯ РЕВИЗІИ ВМѢСТѢ СЪ ПОЗЕНОМЪ.

Въ Колхиду ѣдетъ вновь Язонъ,
Руно же привезетъ не онъ,
А Позенъ.

EX CAMPIS ELYSIIS.

Sie werden sie schon haben
Die Länder an dem Rheine,
Mit allen Gottesgaben
Und mit dem Moselweine.

Das heisst ja: annexiren
Des Rheines lincke Seite!
Ужъ нѣмецъ будетъ смиренъ,
Лишь чаще его бейте!

Sie werden es behalten
Und deutsche Mädchen...... en,
Die jungern und die alten,
Die magern und die dicken.

Den Mädchen wird's gefallen,
Den ultra-deutsch gesinnten!!
Viel besser als das knallen
All'ihrer Nagelflinten.

Ist auch den deutschen Schreibern
Gehässig der Franzose —
Lieb ist den deutschen Weibern
Die Ziegelrothe Hose.

Und wär der grosse Körner
Der Dichter, noch am Leben,
So würd'es grosse Körner
Für ihm aus Frankreich geben.

1866. До войны.

Wir alle leiden an dem Spleen,
Und nichts kann uns erheitern,
Hängt man nicht auf den Golovnin,
Mit Konstantin und Reitern.

Pour éviter Votre ruine
Et que le diable les emporte,
Sire, chassez Golovnine
Et mettez Reitern à la porte.

ПО ПОВОДУ ДВОРЯНСКИХЪ СОБРАНІЙ

1864—1865 гг.

1.

Скажи опричникамъ своимъ,
Что мы, по манію народа,
Сюда, подъ сѣнь гнилого свода,
Сошлись, и твердо здѣсь сидимъ.

Или попретъ одинъ хожалый
Дворянской Граматы права?!
Нѣтъ, одного на это мало!
Но вотъ является ихъ два...

(Быстро расходятся и даже не заходятъ... въ буфетъ).

2.

Наѣвшись щей, напившись квасу,
Ихъ разобралъ патріотизмъ.
Хоть въ двѣсти семьдесятъ два гласа,
Но безопасенъ сей цивизмъ.

Монархъ, исполни ихъ желанье!
Пусть въ два кружка ихъ соберутъ:
Повретъ Дворянское Собранье,
Поперевретъ и лучшій людъ.

Съ Боярской Думою мы сладимъ
Легко, безъ грознаго „молчи!“
Коль ихъ надеждою поманимъ
На каммергерскіе ключи.

Потомъ, лишь будь уха стерляжья,
Икрой зернистой лишь корми,
Шампанскимъ глотки лишь увлажь я —
И слажу съ лучшими людьми!

М. Н. КАТКОВУ ДРУЗЬЯ.

Катковъ! Ты тѣмъ сталъ милъ,
Что намъ въ Шедофероттѣ
Тьму пакостей открылъ.
Милліонъ сочувствій вотъ-те!

Какой въ немъ правды гласъ?
Вы всѣ насъ знать привыкли;
Скажите-жъ, между насъ
Что каждый не великъ-ли?

(*Выступаютъ впередъ*).

И смѣетъ онъ сказать
Про нашихъ, что де хамы,
Когда протестовать
Здѣсь стали даже дамы?!

(*Указывая на А. В. Кирѣеву*).

Держи, держи Катковъ,
Газету на арендѣ.
Араповъ, Н. Сушковъ,
Сергѣй Сушковъ, А. Менде.

АПРАКСИНОЙ.

Рѣшеніе археологической задачи.

Что рай земной былъ межъ Евфрата
И Тигра, вѣдомо давно;
Хоть въ это вѣровали свято,
Но мнѣ повѣрить мудрено.

По зрѣлому соображенью
Пришелъ къ тому я убѣжденью
(А слышно, многіе уже
Согласны въ этомъ съ Соболевскимъ)—
Чтобъ рай искать на рубежѣ
Уѣзда Дмитровскаго съ Сѣвскимъ.

А. О. СМИРНОВОЙ.

Не за пышныя плечи,
Не за черный вашъ глазъ,
А за умныя рѣчи
Обожаю я васъ.

По глазамъ вы—плутовка,
По душѣ вы—дитя,
Мнѣ влюбляться будь ловко,
Въ васъ влюбился бы я.

Что жъ сказать мнѣ о мужѣ?
Похвалить, такъ солжешь;
А глупѣе и хуже
Съ фонаремъ не найдешь.

Написать хвалу вамъ сносную
Добрый геній мнѣ шепнулъ—
Въ радугу семиполосную
Я перо бы обмакнулъ;
Изъ Эдема взялъ бы лилію,
Пѣснь на ней бы начертилъ
И засыпалъ легкой пылію
Съ мотыльковыхъ крылъ.

ЛЕГЕНДА.

Везомый парой, а не паромъ,
Москву изъѣздилъ Годендорфъ
И доказалъ князьямъ, боярамъ,
Что есть и уголь, есть и торфъ;

Что послѣ долгихъ умозрѣній
Открыли въ салѣ стеаринъ;
Что на Руси есть дивный геній,
И этотъ геній—графъ Канкринъ.

Повѣрила Москва—столица,
Церквей гдѣ сорокъ-сороковъ,
И эти сорокъ—единица
Къ числу наличныхъ дураковъ.

Но эти выдумки—злодѣйки,
На зло восторженныхъ рѣчей,
Всѣхъ разорили до копейки
Индустріальныхъ москвичей.

И се—ихъ прояснились очи!
Теперь ужъ ихъ не проведешь:
Они зубами, изъ всей мочи,
Схватились за послѣдній грошъ.

Однако, вопреки науки
И всѣхъ законовъ естества,
Въ баронѣ важныя двѣ штуки
Цѣнитъ ученая Москва.

— Есть въ мірѣ вѣчное движенье!
На опытѣ задачи той
Имъ представляетъ разрѣшенье
Языкъ неугомонный твой!

— Есть въ мірѣ абсолютный вакумъ!
Въ твоей, баронъ, онъ головѣ—
Многоглаголивый Аввакумъ,
Пророкъ фабричности въ Москвѣ!

НА БАРОНА А. К. М.

Ханыковъ былъ въ Бухарѣ,
А Любимовъ былъ въ Пекинѣ
Увѣряютъ, что донынѣ
Ни въ долу, ни на горѣ,
Ни въ пустыняхъ Туркестана.
Не встрѣчали шарлатана,
Какъ вчерашній нашъ баронъ
Многовральный пустозвонъ.

КН. В. Ѳ. ОДОЕВСКОМУ.

(заказъ кушанья снизу наверхъ).

*Ут*ку изжарить
*Рѣ*дко удастся,
*Ми*лый кухмистеръ!
*Фа*ршу не рѣзать,
*Соль*ю не брезгать,—
*Ла*комо будетъ
*Си*це творящу.

Н. Ф. ПАВЛОВУ.

Не въ ту силу, что ты жалокъ,
Не даю тебѣ я палокъ,
Но въ ту силу, что мнѣ жалки
Щегольскія мои палки!

НА А. П. КЕРНЪ.

Ну, скажи, каковъ я?
Счастливъ безпримѣрно:
Баронесса Софья
Любитъ меня вѣрно,
Слѣпѣе крота...
Я же легче серны,
Влюбленнѣе кота,
У ногъ милой Керны...
Эхъ!! какъ онѣ скверны!

А. Е. ШИПОВОЙ.

Такъ, въ немилость я попалъ
Къ мудрой генеральшѣ,
Хоть всегда себя держалъ
Отъ нея подальше.

Отчего пришла въ азартъ
На меня Шипиха?
Что Шиповъ—не Бонапартъ,
Она—не Монтихо.

ЭКСПРОМПТЪ ПРО ШИПОВА.

Что же про Шипова,
Крошку-человѣчка?..
Ума небольшова,
Предъ женой—овечка.

НА ОСТАВЛЕНІЕ КН. ОДОЕВСКИМЪ ДОЛЖНОСТИ ДИРЕКТОРА РУМЯНЦЕВСКАГО МУЗЕЯ.

Князь—твое отродье, Рюрикъ,
Черезъ двадцать пять колѣнъ;
Князь—не то, что князь-мазурикъ
Изъ армянъ или туркменъ;
Князь—не то, чтобы князь нѣкій—
Русскихъ старшина князей,
Упустилъ изъ-подъ опеки
Свой Румянцевскій музей:
Ротозѣй ты, ротозѣй!

НА КОРОНАЦІЮ 1856 ГОДА.

Такъ, коронація—вамъ пиръ,
Супруги, дщери москвитянъ.
А москвитяне, въ свой карманъ
Глядя, тожъ говорятъ: вампиръ!!!

НА М. С. НЕКЛЮДОВУ.

Создавъ огромныхъ пару глазъ,
Богъ къ нимъ потомъ придѣлалъ васъ.

КЪ СВОЕЙ ПАЛКѢ, У КОТОРОЙ НАБАЛДАШНИКОМЪ ЛЫСАЯ ГОЛОВА.

Чья это плѣшь нарядная?
Сократъ иль Мельгуновъ?
А все-таки отрадная
Защита отъ воровъ!

Съ сей палкой гуттаперчевой,
Забывши всякій страхъ,
Гуляй себѣ довѣрчиво
Хоть въ Муромскихъ лѣсахъ!

Бельведерскій Митрофанъ
Благовѣрно окрестился,
И Христу онъ свой таланъ
Въ барыши отдать рѣшился.

Но языческій свой санъ
Любитъ гордый Митрофанъ:
Имъ однимъ его ты тронешь.

И указъ Синодомъ данъ:
Съ Бельведера Митрофанъ
Митрофаномъ же въ Воронежъ!

НА Я. Ѳ. БЕРЕЗИНА-ШИРЯЕВА.

1.

Когда я былъ Аркадскимъ принцемъ,
На книги былъ я очень рьянъ,
И этимъ тѣшилъ насъ гостинцемъ
Белуніензи Валерьянъ.

Въ извѣстномъ городѣ Лугдунѣ
Жилъ нѣкто Фишіо Леонъ;
Моими книгами не втуне
Народъ былъ очень восхищенъ.

Одинъ Теренцій Кристіани
Про „Матерьялы" мнѣ твердилъ:
„Вы не въ свои садитесь сани,
Библіографъ-библіофилъ!"

И въ томъ же городѣ Лугдунѣ
На площадяхъ онъ повторялъ:
„Федулычъ-душка! Дуни, плюни
На семитомный „матерьялъ!"

2.

Когда бъ я былъ Аркадскимъ принцемъ,
То спроста ѣлъ бы свой бифштексъ
И не касался бы мизинцемъ
До описи библіотекъ-съ.

Я отъ стыда давно бы умеръ!
Какъ, издавая каталогъ,
Не знать, что лишь текущій нумеръ
Его полезнымъ сдѣлать могъ!..

3.

САНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Когда бъ я былъ Аркадскимъ принцемъ,
Въ Лугдунѣ я бъ шале завелъ,
Уютный домикъ съ мезонинцемъ,
Овечки, телки, улья, пчелъ.

Топить и домъ и мезонинецъ
Березы я бъ не покупалъ,
На топку получа въ гостинецъ
Березинскій „матеріалъ"...

Карамзинъ.

4.

Когда я былъ Аркадскимъ принцемъ,
Я страстный былъ библіофилъ
И свой народъ я, какъ гостинцемъ,
„Матеріалами“ дарилъ.
Въ „матеріалы“ что ни вставь я —
А все лицомъ ударюсь въ грязь!
Проклятая библіографья
Никакъ, никакъ мнѣ не далась!..

5.

Ежа, молвѣ народной вѣря,
Считалъ за дѣльнаго я звѣря;
Тѣмъ болѣе — ежей отца
Какъ не считать за мудреца
И въ каждомъ дѣлѣ — за дѣльца.

На опытѣ сіе повѣря,
Скажу теперь не лицемѣря:
„По части книгъ...
Свои описывать...
Отыскивать ихъ...“

Я отъ моей любовной боли,
Когда бъ имѣлъ на это воли,
Нацѣловалъ бы ей мозоли.

С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Душу растерзалъ мою
Ты упрекомъ рѣзкимъ:
Риѳмъ, мой другъ, я не кую—
Потому что не съ кѣмъ.

НА ГР. В. А. СОЛОГУБА.

Вчера я видѣлъ Сологуба.
Какъ онъ солидно разсуждалъ,
И какъ ведетъ себя—ну, любо!
Благодарю, не ожидалъ!

МАДАМЪ МЕНДЪ.

Беру я десять пятачковъ,
Кладу ихъ рядомъ; живо, ясно
Рисуется въ душѣ, каковъ
Объемъ руки ея прекрасной.
Ахъ, что за маленькій объемъ!
Лишь десять ихъ, и затоскую,
Какъ будто бы мнѣ класть на немъ,
Что пятачокъ, по поцѣлую.
Хоть и не мнѣ, а все подчасъ
Подумаешь: чтобъ эту душку
Снабдить на этакой-то разъ
Рукою толщины въ Царь-пушку!

НА М. Е. КУБЛИЦКАГО.

То, что межъ рыбами осетръ,
Кублицкій то межъ hommes de lettres.

КАМЕРЪ-ЮНКЕРУ.

Здорово, новый камеръ-юнкеръ!
Ужъ какъ же ты теперь хорошъ:
И раззолоченъ ты, какъ клюнкеръ,
И веселъ ты, какъ мѣдный грошъ.

А. С. ПУШКИНУ.

Сіяй, сіяй, о Пушкинъ камеръ-юнкеръ,
Раззолоченный, какъ клюнкеръ.

Твой первый другъ — графъ Бенкендорфъ,
Его жъ соперникъ — баронъ Корфъ.

НА ДВУХЪ ГРЕКОВЪ.

Врето и Теотоки,
Теотоки и Врето:
Оба грека, оба доки,
Что ни скажутъ, все не то.

В. Д. Д.

Случалось ли тебѣ пускать волчокъ по гладкому паркету?
Ужъ какъ шумитъ отъ пустоты!
Ни дать, ни взять, какъ ты,
Природой на-смѣхъ пущенный по свѣту.

Un jour en causant des choses a d'autres
Et de la pluie a de beau temps,
Notre Seigneur d'a en montrant
Schevireff à ses Apotres:
Amen, amen, en verité, j'en rage,
En le créant en notre image
Papa ne nous a pas flatté...

ОДА С. Д. НЕЧАЕВУ.

О, сколь моя счастлива доля!
Сколь утѣшителенъ мой рокъ!
Сенаторъ съ Куликова поля
Ужъ на Дѣвичее притекъ!!!

Цѣлись и не боли та рана,
Чѣмъ были мы уязвлены, —
Тѣмъ, что Сергѣя и Ивана
Дни безъ него проведены!!!

Ужъ вѣрно онъ привезъ рябины,
Наливокъ вѣрно онъ привезъ
Для утоленія кручины
И для омывки прежнихъ слезъ!

Могли бъ еще вы течь, о слезы,
Въ одномъ лишь случаѣ, кабы
Забылъ онъ для своей трапезы
Привезть соленые грибы!

И такъ далѣе...

С. Д. НЕЧАЕВУ.

Честные господа — не въ Россѣ ль?
Охоты нѣтъ попасть на пиръ,
Куда скликали лордъ Джонъ Россель,
И ѣдетъ ужъ сиръ Чарльзъ Непиръ.

Фашіонебельному лорду
Куда какъ будетъ срамъ великъ,
Коли ему расквасить морду
Нашъ необтесанный мужикъ!

С. Д. НЕЧАЕВУ.

Въ то время, какъ мы были юны,
Когда и ты юнѣе былъ,
Ты, вѣщій, ударяя въ струны,
Намъ души сильно шевелилъ.
Такъ, помню я, во время о̀но,
Священный движимымъ огнемъ,
Въ лавровыхъ кущахъ Геликона
Ты пѣлъ могучимъ соловьемъ!

Теперь, отставъ отъ пѣсней шумныхъ,
Что̀ такъ плѣняли молодежь,
Въ премудромъ сонмѣ старцевъ шумныхъ
Ты правосудіе блюдешь;
И часто гласъ твой вдохновенный,
За вдовъ, за нищихъ, за сиротъ,
На истый путь сей клиръ священный
Съ пути раздумія влечетъ.

Счастливъ стократъ! Тебѣ дарованъ
На весь твой вѣкъ одинъ удѣлъ.
Какъ соловьемъ, былъ очарованъ
Нашъ юный сонмъ, когда ты пѣлъ;
Еще завиднѣе судьбина
Подъ вечеръ твой: тобой она,
Сихъ старцевъ свѣтлая дружина,
Малиновкой обаяна!

С. Д. НЕЧАЕВУ.

Ты поздравленіе прими
За Александра Невскаго
Отъ васъ любящаго вельми
Сергѣя Соболевскаго.

С. Д. НЕЧАЕВУ.

Я далъ тому назадъ дней шесть
Прекрасной барынѣ обѣтъ:
Ея блиновъ сегодня ѣсть
И обсудить ея обѣдъ.
Итакъ, благодарю за честь
И морщася скажу вамъ: нѣтъ!

КЪ ПОРТРЕТУ СЕНАТОРА С. Д. НЕЧАЕВА.

Не нравится мнѣ твой портретъ!
На немъ мазило неуклюжій
Изобразилъ тебя, сосѣдъ,
Какъ будто страждешь ты отъ стужи.
И что за губы? Какъ толсты!
Кого такими ты бы чмокалъ?
А многихъ перечмокалъ ты,
Ты Пинда и Сената соколъ!

25 мая 1858.

ДѢТЯМЪ С. Д. НЕЧАЕВА.

1.

Сколь ни обширна и просторна
Наука стряпать и варить,—
Ее Марія, Софья, Анна
Успѣли вѣрно изучить.
Угодно было имъ на волѣ
Постигнуть безъ большихъ трудовъ
Соленье въ уксусѣ, въ разсолѣ,
Варенье ягодъ и плодовъ.

2.

Когда жъ, Степанъ, Димитрій, Юрій,
Мнѣ будетъ доля та дана,
Чтобъ съ вами за столомъ рогъ турій
Наполнить зелена вина?
Облизывать мы будемъ губки,
Припасы разъѣдимъ всѣ въ пухъ,
И осушимъ съ наливкой кубки
За здравіе стряпухъ!

О. С. ПАВЛИЩЕВОЙ.

Пишу тебѣ въ альбомъ и азъ,
Сестра и другъ поэта, Ольга,
Хотя мой стихъ и не алмазъ,
А просто мишура да фольга.

Что помышляютъ ваши братья,
Въ моей башкѣ—не могъ собрать я.

ЭКСПРОМТЪ Л. С. ПУШКИНУ.

Левъ Сергѣйчъ на Soirée
Былъ любезенъ, какъ тюлень:
Выпилъ чарку Сенъ-Перэ
И бутылку Сенъ-Жюльень.

Л. С. ПУШКИНУ.

Пушкинъ Левъ Сергѣичъ
Истый патріотъ,
Тянетъ ерофеичъ
Въ африканскій ротъ.

П. И. БАРТЕНЕВУ, КОГДА ОНЪ ОБЪЯВИЛЪ О СВОЕМЪ ЖЕЛАНІИ ЖЕНИТЬСЯ.

Цѣпь изъ матримоніальныхъ звеньевъ
Тебѣ понравилась. о мой Бартеньевъ!

И. А. КАЛМЫКОВУ.

Нашъ учитель Калмыковъ
Умножаетъ дураковъ;
Онъ жилетъ свой поправляетъ
И глазами все моргаетъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

На кн. П. И. ШАЛИКОВА.

Приписывалась Пушкину. По указанію кн. П. А. Вяземскаго („Старина и Новизна“, VIII, стр. 37), принадлежитъ не А. С., а Соболевскому. Кн. П. И. Шаликовъ, карамзинистъ, доведшій сентиментализмъ до приторности и слащавости, былъ обычною мишенью насмѣшекъ въ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ.

„Печальный газетчикъ“—какъ типичный представитель сантиментальной мечтательной меланхоліи и неудачливый издатель „Аглаи“, „Дамскаго журнала“ и др. періодическихъ изданій.

Помѣщена въ „Собр. запрещ. стихотв. Пушкина“ (стр. 70—71).

На Б. М. ѲЕДОРОВА.

Приписывалась Пушкину и бар. А. А. Дельвигу. За принадлежность первому не говоритъ ни одинъ положительный фактъ; противъ принадлежности второму говоритъ уже одно то, что „гадкіе доносы“ Ѳедорова относятся *къ періоду послѣ смерти Дельвига*, до начала 30-ыхъ годовъ онъ былъ *только* плохимъ и притязательнымъ писателемъ. Бестужевъ-Марлинскій въ 1823 г. называлъ его „гадкимъ, словеснымъ воромъ и отцомъ преотвратительнымъ“ („Старина и Новизна“, VIII, 31). Наиболѣе вѣроятно, подкрѣпляемое идущею отъ тѣхъ временъ традиціею, авторство Соболевскаго. Напечатано въ „Старинѣ и Новизнѣ“ (VIII, 51) и „Соч. Пушкина“ (СПБ., 1887, стр. 169).

На М. А. ДМИТРІЕВА.

„Русскій Архивъ“, 1908, III, 405; Словарь Брокгауза и Эфрона, XX, 781.

На М. А. ДМИТРІЕВА.

„Русскій Архивъ“ 1908, III, 405.

М. А. Дмитріевъ, племянникъ поэта, плодовитый, но мало одаренный писатель, литературный старовѣръ, котораго кн. Вяземскій называлъ „лже-Дмитріевымъ“. Соболевскій написалъ про него стихи: „Михаилъ Дмитріевъ помре, онъ былъ чиновникъ въ 5-мъ классѣ“. Когда Дмитріевъ заявилъ, что этотъ чинъ ему не принадлежитъ, Соболевскій приписалъ къ своему стихотворенію 4 новыхъ стиха.

АННѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

„Русскій Архивъ“, 1888, II, 505; 1874, II, 461.

Знакомая Соболевскаго, Анна Васильевна (фамилія неизвѣстна) въ Ревелѣ, во время купаній, влюбилась, будто бы, въ лѣчившагося тамъ отъ ранъ барона Врангеля. Позднѣе ей, уже старухѣ, Соболевскій напомнилъ этотъ эпизодъ въ Москвѣ своими стихами.

Gens abandonnès — покинутые, забытые люди. Va, si elle venait — ахъ, еслибъ она пришла!

На Г. Н. ГЕННАДИ.

„Русскій Архивъ“, 1888, III, 469—470, 176; Березинъ-Ширяевъ. Дополнительные матеріалы для библіографіи, Спб., 1876, 169—170.

Г. Н. Геннади (псевдонимъ — Григорій Книжникъ), извѣстный библіографъ, очень неудачно перепечаталъ „Жизнь Ваньки Каина“ („ярыжника“) безъ существенно-важныхъ народныхъ пѣсенъ. Игнатьевъ—петербургскій военный генералъ-губернаторъ. Тогда въ реакціонныхъ кругахъ Петербурга говорили о примѣненіи къ бунтующимъ студентамъ тѣлесныхъ наказаній. За библіографическіе грѣхи Геннади, по мнѣнію Соболевскаго, долженъ былъ попасть, подобно Ванькѣ Каину, въ Балтійскій портъ („не въ Портѣ ли“) и подвергнуться тѣлесному наказанію. Княжны Урусовы, поклонницы Геннади, должны были одѣться въ трауръ по поводу его литературныхъ неудачъ.

Геннади работалъ много и слишкомъ спѣшно. Въ спискѣ сочиненій Гоголя, напр., онъ пропустилъ „Мертвыя души“...

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ намъ встрѣтилась часть этой эпиграммы въ видѣ отдѣльнаго стихотворенія:

Г. ГЕННАДИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Пускаете турусы вы,
Турусы на колесахъ,
А здѣсь княжна Урусова
По васъ чуть не въ плерезахъ.

Гр. А. Д. БЛУДОВОЙ.

„Русскій Архивъ“, 1906, III, 564.

Гр. А. Д. Блудова — дочь гр. Д. Н. Блудова, министра, фрейлина. Сочувствовала панславизму и была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ московскими славянофилами.

Въ рукописномъ сборникѣ это стихотвореніе помѣщено съ такими варіантами:

1. причастникъ.
5. Мнѣ гадки.
7. у.

Тотъ же сборникъ даетъ это стихотвореніе въ такомъ видѣ:

N. N.

Мнѣ гадки синіе чулочки
Во всѣхъ мѣстахъ, во всѣхъ чинахъ,
Хотя бъ на министерской дочкѣ,
На камеръ-юнкерскихъ (sic) ногахъ.

ГОРОСКОПІЙ.

Изъ рукописнаго сборника,

А. А. Васильчиковъ (1832—1890)—любитель искусствъ и писатель, авторъ Словаря русскихъ портретовъ и многотомнаго историческаго сочиненія: „Семейство Разумовскихъ“. По женской линіи происходилъ отъ Разумовскихъ. Шиповъ и Потаповъ отличались очень маленькимъ ростомъ.

КЕТЧЕРУ.

Изъ рукописнаго сборника.

Н. Х. Кетчеръ (1809 — 1886) — членъ кружка Станкевича, другъ Герцена, Грановскаго и Огарева, переводчикъ Шекспира. Эпиграмма эта приписывалась И. С. Тургеневу.

М. П. ПОЛУДЕНСКІЙ — АКТРИСѢ МУХИНОЙ.

Изъ рукописнаго сборника.
М. П. Полуденскій — библіографъ.

Гр. Е. П. РОСТОПЧИНОЙ.

Павлищевъ, Восп. объ А. С. Пушкинѣ, М., 1890, стр. 70 — 71; „Русскій Архивъ", 1874, II, 462.

Ростопчина — извѣстная русская поэтесса, одна изъ раннихъ русскихъ „жоржъ-зандистокъ" (1811—1858).

Соболевскій очень любилъ бульдоговъ.

Объ отношеніяхъ его къ Ростопчиной см. „Русскій Архивъ", 1908, III, 140—142.

Варіанты „Русскаго Архива": 2 — нрава, 6 — поступію гордою, 9—сихъ лапъ, 11—цѣлованье ногъ, 12—счастье жъ, 15—посмѣете.

Ф. Ф. ВИГЕЛЮ.

См. Записки Н. В. Берга, „Рус. Старина", 1891. II, 261.

Бергъ приписываетъ эту эпиграмму Н. Ф. Павлову, но она безусловно принадлежитъ Соболевскому (см. „Русскій Архивъ", 1897, II, 620; 1895, II, 190—191; Переписка Грота и Плетнева, II, 391). Schweinwigel, конечно, Schweinigel, ёжъ, неопрятный человѣкъ, неряха, свинья.

Ф. Ф. Вигель — арзамасецъ, авторъ извѣстныхъ своимъ злорѣчіемъ записокъ, циникъ, склонный къ противоестественнымъ порокамъ. Пользовался общею ненавистью за доносы на идейныхъ противниковъ. Служилъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Пензѣ и Ригѣ. Былъ еще куплетъ, въ которомъ В и г е л ь риѳмовалъ съ Б р и г е л ь (портной), который будто бы шилъ на Ф. Ф. „исподнее платье". Разыскать его намъ не удалось.

Павлищевъ (Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, 69, 154) даетъ это стихотвореніе въ такомъ видѣ:

Счастливъ домъ тотъ и тотъ флигель,
Гдѣ, разврата не любя,
Другъ, Филиппъ Филиппычъ Вигель,
Въ шею выгнали тебя.
. . . .
Въ Петербургѣ ль, въ Пензѣ ль, въ Ригѣ ль,

Всѣ твердятъ твои друзья:
Другъ, Филиппъ Филиппычъ Вигель,
Жалкая судьба твоя...

Гр. А. Ѳ. РОСТОПЧИНУ.

„Русскій Архивъ", 1900, I, 319. 11 апрѣля 1870 г.

Гр. А. Ѳ. Ростопчинъ, шталмейстеръ, служилъ тогда въ Иркутскѣ. Онъ имѣлъ сардинскій орденъ Анонціады (Благовѣщенія).

Первый стихъ—Пушкина.

Стихотвореніе написано Соболевскимъ и М. Н. Лонгиновымъ.

АВТОРѢ ШЕРНВАЛЬ.

„Русскій Архивъ" 1895, II, стр. 324. Авр. Кар. Шернваль—красавица, бывшая потомъ замужемъ за П. Н. Демидовымъ и А. Н. Карамзинымъ. Шернвали были небогаты.

НА ПѢВЦА ГУЛАКЪ-АРТЕМОВСКАГО.

„Русскій Архивъ" 1884, 4, стр. 480.

Гулакъ-Артемовскій былъ пѣвецъ Петербургской оперы. Стихотвореніе было написано Соболевскимъ во Флоренціи, гдѣ онъ встрѣтился съ Гулакомъ.

Смѣсь итальянскаго и русскаго языковъ и содержаніе стихотворенія — насмѣшка надъ итальянскою рѣчью, манерами и привычками Гулака.

НА „МАЯКЪ".

Переписка Грота съ Плетневымъ, I, СПБ., 1896, стр. 66. Письмо отъ 24 сент. 1840 г.

Ретроградный органъ „современнаго просвѣщенія въ духѣ русской народности" „Маякъ", переполненный всевозможными бреднями и самыми грубыми суевѣріями, издавался въ 1840—1845 гг. Былъ обычною мишенью остротъ въ литературномъ мірѣ того времени. Издавали его П. А. Корсаковъ и ген. С. О. Бурачокъ.

До чего могъ доходить Бурачокъ, видно, напр., изъ слѣдующаго факта: въ „Маякѣ" онъ напечаталъ рядъ статей, въ которыхъ доказывалъ полное ничтожество поэзіи Пушкина — потому что „онъ не посвятилъ себя непосредственно прославленію имени Бога, Іисуса Христа и святой Руси".

ПОСЛАНІЕ С. П. ШЕВЫРЕВУ Н. М. РОЖАЛИНА.

„Русскій Архивъ", 1906, I, 158. Письмо изъ Мюнхена 13 іюля 1830 г., отъ имени Н. М. Рожалина, пріятеля Соболевскаго, который изучалъ тогда въ Германіи философію Шеллинга.

Буасере—знатокъ искусства, которому покровительствовалъ Гете; въ его домѣ, въ нижнемъ этажѣ, жилъ Рожалинъ. Пухта, Шеллингъ, Шорнъ и Тиршъ—профессора.

А. С. ПУШКИНУ.

См. В. В. Каллашъ, Puschkiniana, II, 154; Энцик. словарь Брокгауза, т. 50, стр. 848; Панаевъ, соч., VI, 112.

Г. Н. Геннади редактировалъ сочиненія Пушкина. Соболевскій былъ недоволенъ его урѣзками и пропусками въ Пушкинскомъ текстѣ и называлъ его „скопителемъ".

ВОПІЮЩАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ.

См. В. В. Каллашъ, Puschkiniana, II, 163: „Русскій Архивъ" 1874, II, 464.

Стихотвореніе написано яко бы отъ имени скопцовъ и скопителей, которые находились тогда подъ судомъ. Тарасенковъ - Отрѣшковъ, Анненковъ и Геннади—редакторы и издатели сочиненій Пушкина. За урѣзки и пропуски въ Пушкинскомъ текстѣ Соболевскій называлъ ихъ „скопителями Пушкина".

ЮБИЛЯРУ.

„Русскій Архивъ", 1895, I, 360.

Вѣроятно, на попечителя Моск. учебн. округа Назимова, который славился своею глупостью и добродушіемъ.

С. П. ШЕВЫРЕВУ.

„Русскій Архивъ", 1909, VII, 502. Въ письмѣ отъ 15 декабря 1831 г.

Хвостовъ—гр. Д. И., извѣстный метроманъ; А. С. Шишковъ—основатель „Бесѣды", „славенофилъ" и литературный старовѣръ; Лихонинъ—переводчикъ, бездарный поэтъ 30—50-хъ годовъ; Ротчевъ—третьестепенный поэтъ 30—40-хъ годовъ.

А. П. ЕЛАГИНОЙ.

„Русскій Архивъ“, 1909, VI, стр. 198. Письмо отъ 21 марта 1842 г.

А. П. Елагина — родственница Жуковскаго, по первому мужу Кирѣевская (мать писателей). Ея салонъ былъ умственнымъ центромъ Москвы 30—50-ыхъ годовъ.

НА Л. С. ПУШКИНА.

См. Майковъ, Пушкинъ, СПБ., 1899, стр. 26, 292; Соч. Пушкина, изд. Литер. фонда, VII, СПБ., 1887, стр. 342; подъ ред. Ефремова, СПБ., 1903, VII, стр. 199; „Старина и Новизна“, VIII, 38; „Пушкинъ и его современники“, V, СПБ., 1907, стр. 115—116; „Русскій Архивъ“, 1894, I, 535.

Напечатана была въ „Русск. Вѣстникѣ“ 1842, (I, 22) съ замѣною „Пушкинъ Левъ“—„Пустяковъ“ и „Намъ“—„Вамъ“.

Передѣлка эпиграммы Батюшкова (1815 г.):

Памфилъ забавенъ за столомъ,
Хоть часто и на зло разсудку:
Веселостью обязанъ онъ желудку,
А памяти—умомъ.

(Соч., СПБ., 1834, II, 198; подъ ред. Майкова, I, СПБ., 1887, стр. 397; соч. кн. Вяземскаго, III, СПБ., 1880, стр. 94).

Павлищевъ приписываетъ ее А. С. Пушкину (Воспом. объ А. С. Пушкинѣ, стр. 99—100).

КН. В. Ѳ. ОДОЕВСКОМУ.

См. Татевскій сборникъ, СПБ., 1899, стр. 120; „Русскій Архивъ“, 1878, II, 56—57; 1888, III, 296; 1900, II, 257—258.

Кн. В. Ѳ. Одоевскій (1804—1869)—писатель, философъ (Шеллингіанецъ) и музыкантъ, отличавшійся разсѣянностью и эксцентрическими выходками; пріятель Соболевскаго; позднѣе первоприсутствующій 8-го моск. департамента сената. Стихотвореніе — насмѣшка надъ умствованіями (иногда слишкомъ оригинальными и даже „завиральными“) Одоевскаго.

Паденіе съ дерева комара заимствовано Соболевскимъ изъ популярной народной пѣсни.

Одоевскій тогда былъ членомъ Ученаго комитета при Мин. Гос.

Имуществъ и составлялъ записку о вредныхъ насѣкомыхъ. Увлекшись вопросомъ, онъ сталъ перечитывать многія книги, имѣвшія къ нему слишкомъ отдаленное отношеніе, забылъ о дѣлѣ и занялся Эразмомъ. Онъ тогда почему то обрился и носилъ парикъ.

„Русскій Архивъ" даетъ это стихотвореніе съ значительными варіантами.

1.

Случилося во время оно,
Свалился на землю комаръ.
Повѣсткой въ Комитетъ Ученой
Тебя зовутъ, князь Вольдемаръ!

Соображая этотъ казусъ
И роясь въ книгахъ, ты открылъ,
Что въ Роттердамѣ жилъ Эразмусъ,
Который въ парикѣ ходилъ.

Его послѣдуя примѣрамъ,
Ты сбрилъ власы, надѣлъ парикъ
И свойственнымъ тебѣ манеромъ
Таинственно главой поникъ.

Комаръ — ты говоришь — въ общественномъ значеньи
Есть Божья тварь,
А въ музыкальномъ отношеньи
Межъ насѣкомыхъ есть звонарь.

А такъ какъ онъ паденьемъ въ полѣ
Лѣсамъ не причинилъ вреда,
Предать сей случай Божьей волѣ,
Избавивъ тварь ту отъ суда.

2.

Случилось разъ во время оно,
Свалился на землю комаръ.
Повѣсткой въ комитетъ ученый
Зовутъ тебя, князь Вольдемаръ.
Сообразивши этотъ казусъ
И роясь въ книжкѣ, ты открылъ,
Что въ Роттердамѣ жилъ Эразмусъ,

Который въ парикѣ ходилъ.
Одушевленный симъ примѣромъ,
Ты сбрилъ власы, надѣлъ парикъ
И, свойственнымъ тебѣ манеромъ,
Таинственно главой поникъ.
Комаръ, въ обширнѣйшемъ значеньи,
Ты возгласилъ, есть Божья тварь;
Но въ музыкальномъ отношеньи
Межъ насѣкомыхъ онъ—звонарь.
И если онъ паденьемъ въ полѣ
Не причинилъ лѣсамъ вреда,
Предать сей случай Божьей волѣ,
Избавивъ тварь ту отъ суда.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ мы встрѣтили эту эпиграмму съ такимъ заглавіемъ: „На князя Одоевскаго, занятаго запискою въ Ученый комитетъ по поводу появившагося гдѣ то насѣкомаго, вреднаго для полей. Одоевскій тогда былъ членомъ Ученаго комитета въ Министерствѣ Госуд. Имуществъ и почему то носилъ парикъ временно“.

Кн. В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ СИДОРУ.

„Русскій Архивъ“, 1903, III, 672; 1888, III, 295.

Музыкантъ и писатель, кн. Одоевскій изобрѣлъ новый органъ „Себастіанонъ“ (въ память Себастіана Баха), который Соболевскій называлъ „Савоськой“. Для завода этого органа (нужно было лазить внутрь его) употреблялся кухонный мужикъ Одоевскихъ, Сидоръ („Исидоръ“). За добавочные труды онъ потребовалъ и добавочной платы, грозя уходомъ.

Стихотвореніе—будто бы рѣчь Одоевскаго Сидору. Въ одномъ рукописномъ [сборникѣ мы встрѣтили эту эпиграмму съ заглавіемъ: „Князь Одоевскій къ своему истопнику, заводившему его музыкальную машину“ и датой—1863 марта 8.

Варіанты этого сборника: послѣ 4—

А это пуще, чѣмъ мой взоръ,
Влечетъ красотъ въ мои объятья. [1])

6. для (?) меня.
послѣ 8—

Вотъ рубль тебѣ! Вѣдь на Руси
Не кормятъ кушаньемъ изъ басенъ.

---

[1]) Къ кн. Одоевскому съѣзжались дѣвицы учиться теоріи музыки.

Кн. В. А. ЧЕРКАССКОМУ.

„Русскій Архивъ“, 1904, III, 144,

Рѣчь идетъ о городскихъ общественныхъ уборныхъ. Устроены онѣ были сравнительно недавно, по иниціативѣ гласнаго Мос. Гор. Думы проф. В. И. Герье.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ мы встрѣтили эту эпиграмму съ заглавіемъ: „Завидное безсмертіе. Кн. В. А. Черкасскому“ и датой „12 августа 1869“.

Варіанты сборника: 11. Черкасской.

12. назовутъ.

Къ „Рамбюто“ примѣчаніе: „такъ называются въ Парижѣ уличныя отхожія мѣста по имени перваго ихъ учредителя“.

НА „ОБОЗЪ КЪ ПОТОМСТВУ“ Н. В. СУШКОВА.

Экспромтъ, написанный Соболевскимъ на экземплярѣ статьи Н. В. Сушкова: „Обозъ къ потомству съ книгами и рукописями“ („Раутъ“, III, М., 1854). Сообщенъ намъ Ѳ. М. Дмитріевымъ. См. „Рус. Архивъ“, 1902, 309.

Н. В. Сушковъ — бездарный, неимовѣрно плодовитый писатель 20—60 гг. прошлаго вѣка.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ мы нашли другую эпиграмму Соболевскаго на тотъ же сюжетъ съ испорченнымъ текстомъ:

Друзья, средь бѣла дня обозъ
Къ потомству лишь чужимъ товаромъ (? съ ?).
Извощикъ неспроста, недаромъ
Съ своимъ (?) задерживаетъ возъ.
Онъ знаетъ, что добра такова
Съ мануфактуры Пустячкова
(Какимъ даритъ перо Сушкова)
По улицамъ не пустятъ днемъ,
А только ночью, втихомолку,
Въ чану, воткнувъ въ него метелку,
Съ привѣшеннымъ къ ней фонаремъ.

НА ЧТЕНІЕ К. К. ПАВЛОВОЙ.

„Русскій Архивъ", 1904, II, 308; 1901, II, 581 (въ 4-мъ стихѣ варіантъ—вешнихъ). К. К. Павлова, членъ Общ. Люб. Рос. Слов., читала въ маѣ 1866 г. (съ завываніями) свой переводъ „Лагеря Валленштейна" на одномъ засѣданіи этого О-ва. Соболевскій пропустилъ чтеніе изъ-за поѣздки въ Сокольники и на слѣдующій день извѣстилъ одного изъ знакомыхъ (П. И. Бартенева) объ этомъ приведенными выше стихами.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ намъ встрѣтилась эта эпиграмма со слѣдующими варіантами:

3. убѣжалъ.
4. вешнихъ.
5. на чтеньи.
8. ей волкъ чинитъ.

НА КОНЧИНУ N. N.

„Русскій Архивъ", 1904, II, 308.

Вѣроятно, относится къ Н. Ф. Павлову (1805–1864), котораго преслѣдовалъ своими насмѣшками Соболевскій. Одно время Павловъ былъ актеромъ, позднѣе сдѣлался писателемъ.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ мы встрѣтили это стихотвореніе вмѣстѣ съ другимъ подъ такимъ заглавіемъ:

На кончину Н. Ф. Павлова.
Безъ всякаго предубѣжденія.

I.

De mortuis aut bene, aut nihil.
Переводъ: объ умершихъ хорошенько, или ничего.
Вотъ жизнь афериста!
etc.

II.

Скорѣй всего, о смерть, ты косишь
И лучшій злакъ, и лучшій цвѣтъ,
Твоей пощады втунѣ просишь
За то (?), къ чему шелъ столько лѣтъ.
Замрутъ уста, сомкнутся вѣжды,
Умъ свѣтлый превратится въ тьму,
И лишена вдова надежды
Супруга засадить въ тюрьму!

Текстъ второго стихотворенія, видимо, испорченъ.

Относительно намековъ его послѣднихъ стиховъ см. эпиграмму К. К. Янишъ-Павловой: „Ахъ, куда ни взглянешь“...

НА ПОЛЕВЫХЪ.

Приписывалась Пушкину. По указанію кн. П. А. Вяземскаго („Старина и Новизна“, VIII, М., 1904, стр. 37), принадлежитъ не А. С., а Соболевскому. Къ Н. А. и К. А. Полевымъ, издателямъ „Московскаго Телеграфа“, враждебно относился весь Пушкинскій кружокъ, въ томъ числѣ и Соболевскій.

Помѣщена въ „Собр. запрещ. стихотв. А. С. Пушкина“ (Лейпцигъ, 1879, стр. 100—101) съ нелѣпой замѣной во второмъ и четвертомъ стихахъ „Полевого“—„перваго“.

Понтъ—Черное Море.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ эпиграммъ Соболевскаго мы нашли это стихотвореніе въ такомъ видѣ:

От Каспійскаго до Балтійскаго
До большого, до Чернаго понта
Нѣтъ подлѣе, нѣтъ сквернѣе
Полевова Ксенофонта.

Отъ Кавказскаго до Уральскаго
До большого хребта до Алтая
Нѣтъ сквернѣе, нѣтъ подлѣе
Полевова Николая.

К. К. ЯНИШЪ (ПАВЛОВОЙ).

См. Записки Берга, „Русская Старина“, 1891, II, стр 269.

Первые 4 стиха изъ „Татарской пѣсни“ въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ Пушкина.

Каролина Карловна Янишъ (позднѣе вышедшая за Н. Ф. Павлова), поэтесса. Въ 1829 г. въ Москвѣ съ нею познакомился путешествовавшій тогда по Россіи А. Гумбольдтъ и, несмотря на свой преклонный возрастъ, увлекся ею. К. К. будто бы разсказывала, что Гумбольдтъ, „отправляясь для разныхъ научныхъ изслѣдованій въ Сибирь, заѣзжалъ въ Москву единственно затѣмъ, чтобы увидѣться съ нею, съ К. К., которую зналъ по ея нѣмецкимъ стихамъ“.

„Русскій Архивъ“ (1877, II, 493; 1893, I, 317 и 1894, I, 119) приписываетъ эту эпиграмму А. А. Елагину и даетъ ее въ такомъ видѣ:

„Даруетъ небо человѣку
Замѣну слезъ и тяжкихъ бѣдъ“...
Блаженъ, кто могъ библіотеку
Себѣ собрать подъ старость лѣтъ.
Но тотъ блаженнѣй, Каролина,
Кто, бриллiанты возлюбя,
За ними ѣздилъ изъ Берлина
И встрѣтилъ здѣсь въ Москвѣ тебя.

Варіанты послѣдняго куплета: полюбя, встрѣтилъ вдругъ.

КОРИФЕЯМЪ МОСКОВСКАГО СЛАВЯНОФИЛЬСТВА.

См. Пятковскій. Кн. В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ, Спб., 1901, стр. 90—91.

В. А. Кокоревъ (1817—1889)—вліятельный въ свое время дѣлецъ, откупщикъ, защищавшій въ печати винную монополію, какъ мѣру, полезную для народа. Пѣнникъ — сивуха.

А. И. Кошелевъ (1806—1883) — общественный дѣятель и публицистъ, славянофилъ, издатель „Бесѣды“, „финансировавшій“ вообще славянофильскія изданія; имѣлъ въ одномъ изъ своихъ помѣстій большой винокуренный заводъ и одно время увлекался откупными операціами.

Д. Е. Бенардаки — грекъ-откупщикъ (съ него отчасти списанъ Гоголемъ Костанжогло). Въ Таганрогѣ онъ однѣми и тѣми же декораціями „ознаменовалъ“ пріѣздъ и кончину Александра I.

Вѣроятно, это стихотвореніе указано въ „Русскомъ Архивѣ“ (1895, II, 116), какъ стихотвореніе на „Русскую Бесѣду“ Соболевскаго и И. С. Мальцова.

НА ЗАСѢДАНІЕ ОБЩЕСТВА Л. Р. СЛОВЕСНОСТИ.

„Русскій Архивъ“, 1886, III, 272.

Московское Общество Люб. Рос. Слов. возобновилось въ 1859 г. послѣ многолѣтняго перерыва въ дѣятельности. На его засѣданіяхъ появились многіе „повапленные гробы“ и „литературные живые покойники“, которые своимъ видомъ дѣйствительно могли испугать „беременныхъ женъ“. Тогда въ Москвѣ пользовался большимъ успѣхомъ

„Орфей въ аду" съ его куплетами объ „Аркадскомъ принцѣ". Соболевскій въ формѣ такихъ куплетовъ высмѣялъ членовъ возродившагося общества — Г. Н. Геннади, М. П. Полуденскаго и др.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ это стихотвореніе носитъ заглавіе: „Засѣданіе Общ. Люб. Рос. Слов. 1856 (?) — 1860 (экстраординарное)". Сборникъ дастъ нѣсколько не бывшихъ еще въ печати строфъ и любопытныя примѣчанія.

1.

Когда я былъ Аркадскимъ принцемъ,
Минерву началъ я любить;
Мнѣ двадцать первымъ бы .....
Ее не трудно соблазнить!
Да! я влюбился бы въ Минерву [1]),
И какъ еще? Отъ всей души!
Вдругъ узнаю, что эту стерву
Ужъ заживо заѣли вши!

2.

См. первую строфу нашего основного текста. Примѣчаніе: „Полуденскій". Въ измѣненномъ видѣ Соболевскій позднѣе примѣнилъ ее къ библіографу Я. Березину-Ширяеву.

М. П. Полуденскій — библіофилъ и библіографъ.

3.

Когда я былъ Аркадскимъ принцемъ,
Я предразсудковъ не былъ рабъ!
Забывъ свой санъ, я разночинцемъ
. . . дѣвокъ всякихъ, всякихъ бабъ!
Далась кухарка мнѣ Агафья,
Давалась прачка, тѣмъ гордясь!!!
И лишь одна библіографья,
Что съ ней ни дѣлалъ, не далась.

Примѣчаніе: „Геннади".

4.

Вторая строфа взятаго нами выше текста.

Варіанты:

---

[1]) „Полуденскій, влюбленный въ актрису Мухину, которая играла въ „Орфеѣ въ аду" Минерву".

3. Какъ слѣдуетъ, съ гумномъ, съ овинцемъ.
4. Съ овечками и роемъ пчелъ.
5. Чтобъ этотъ натопить овинецъ.

Примѣчаніе: „Масловъ и Сушковъ“. С. А. Масловъ увлекался сельскимъ хозяйствомъ. О Сушковѣ см. примѣчаніе къ эпиграммѣ „На Обозъ къ потомству“.

5.

Третья строфа взятаго нами выше текста.
Варіанты:

4. Лобзая за . . . . . имъ пр . . . .ъ.
8. въ свой предсмертный.

Примѣчаніе: „Масловъ“.

6.

Четвертая строфа взятаго нами выше текста.
Варіанты:

3. Просилъ всѣхъ.
5. Мы всѣ.

К. К. ЯНИШЪ-ПАВЛОВОЙ.

См. Панаевъ, соч., VI, стр. 192.

К. К. Павлова, поэтесса, урожд. Янишъ. По ея доносу мужъ былъ посаженъ въ тюрьму, а затѣмъ высланъ въ Пермь. „Мамзелью Янишъ“ Соболевскій называлъ ее потому, что она говорила о своемъ дѣвствѣ, несмотря на замужество съ Павловымъ.

Послѣднихъ 5 стиховъ нѣтъ у Панаева. Они приведены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1894, I, 214 (срв. I, 121; 1895, II, 116).

Бергъ даетъ это стихотвореніе въ другомъ видѣ („Рус. Старина“, 1891, II, 269):

Ахъ, куда ни взглянешь,
Все — любви могила!
Каролина Янишъ
И та измѣнила!
Плачетъ эта дама,
Молится о мужѣ:
„Будь ему, о яма,
Уже, туже, хуже!

Въ ней его держите
Лѣтъ хоть до десятку,
А потомъ сошлите
Вы его въ. . . Камчатку!"

Павловъ былъ заключенъ въ 1852 г. Въ тюрьмѣ онъ написалъ стихотвореніе („Русскій Архивъ", 1885, I, 142).

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ мы нашли это стихотвореніе съ заглавіемъ: „На К. К. Павлову (урожд. Янишъ), когда она просила Закревскаго арестовать ея мужа, такъ такъ онъ разоряетъ ее карточною игрою" и варіантами:

5. Плачетъ.
6. Молится о.
7. О, яма.
8. Хуже, туже, уже.
9. (нѣтъ).

САЛОНЪ кн. В. Ѳ. ОДОЕВСКАГО.

„Русскій Архивъ", 1891, I. 431—432.

Салонъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго одно время усердно посѣщали титулованные остзейскіе студенты. Фонъ-деръ-Ховенъ, товарищъ Одоевскаго по Сенату, ввелъ къ нему эту молодежь, которая раздражала Соболевскаго своимъ чваннымъ видомъ. Орелъ - Ошмянцевъ, ученый славистъ, филологъ и этнографъ, ходилъ въ русскомъ платьѣ, чѣмъ шокировалъ остзейскихъ студентовъ. „Фешенъ"— fashion, свѣтскій лоскъ.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ мы нашли это стихотвореніе съ заглавіемъ: „На гостиную князя Одоевскаго, куда стали часто появляться три остзейскіе студента" и варіантами:

4. Сакъ фонъ.
8. Фонъ Леръ.
10. Боппъ, Деккъ.
11. О нихъ. Ловенъ.
13. Ошменцевъ.

ОРЕЛЪ СЪ ЕГО УѢЗДАМИ.

„Русскій Архивъ", 1885, I, 143—144.

Стихотвореніе написано отъ имени 8-лѣтней дочки однихъ знакомыхъ Соболевскаго, которую онъ очень любилъ и въ шутку называлъ

своей невѣстой. Отецъ этой Лёльки перебрался на службу изъ Москвы въ Орелъ, на казенную квартиру. Кн. В. Ѳ. Одоевскій интересовался и мнемоникой и предлагалъ лучшіе способы запоминанія. Соболевскій этимъ стихотвореніемъ будто бы помогалъ Лёлькѣ запомнить географію Орловской губерніи:

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ мы встрѣтили это стихотвореніе съ варіантомъ.

21—22. въ немъ съ Лёлькой,
А живи въ Орлѣ...

и примѣчаніемъ: „Малолѣтняя дочь Лонгинова, Елена, считалась женою Соболевскаго и подозрѣвала, что онъ ей измѣняеть, ухаживая за Апраксиной, живущею на границѣ Дмитровскаго и Сѣвскаго уѣздовъ".

КАНКРИНІАДА.

„Русскій Архивъ", 1897, III, 297—298; 1896, II, 49.

Гр. Е. Ф. Канкринъ былъ тогда министромъ финансовъ. Построенная имъ Александровская колонна дала трещину. Построенный имъ на Крюковомъ каналѣ мостъ провалился въ день освященія. Александръ I подарилъ ему цѣлебные Бальдонскіе ключи. Одно время Канкринъ увлекался разведеніемъ овецъ.

И. С. Мальцовъ — пріятель Соболевскаге, дипломатъ.

10-й стихъ Лермонтова („Два великана").

Позднѣйшее примѣчаніе Соболевскаго: „авторъ раскаивается въ этихъ стихахъ, ибо Канкринъ былъ геніальный экономистъ и оставилъ дѣтямъ менѣе того, что у него въ формулярѣ записано подареннаго отъ государей".

Депозитъ — кредитные билеты, выпускомъ которыхъ тогда злоупотребляли.

Peggio — хуже; arpeggio — вразбивку; rinforzando — усиливая. Fice-face — вѣроятно, звукоподражаніе (имѣется въ виду сѣченіе).

Эпилогъ (съ датой 1834) помѣщенъ еще въ „Рус. Арх." 1874 (II, 461). Варіанты: въ 3 ст.— обнесутъ, 4 — обойдутъ, 5 — Бразилію, 7 — усилія, 10 — частный.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ это стихотвореніе носитъ заглавіе: „Канкриніада 1839—1840".

Варіанты:

3. Кому.

8. Примѣч. Канкринъ устроилъ мостъ, который упалъ въ день освященія.

16. С . . . . ъ.

24. Прим. Куплены домъ на Дворцовой набережной и имѣнье.

28. Прим. Получены въ подарокъ отъ Государя Бальдонскіе ключи.

39. Для нѣмцевъ.

40, Прим. У Канкрина большое овцеводство.

Въ томъ же сборникѣ, въ другомъ мѣстѣ, приведена часть „эпилога" подъ заглавіемъ: „По случаю трещины, открывшейся на Александровской колоннѣ въ С.-Петербургѣ, о которой запрещено было говорить Министерствомъ Двора".

Текстъ:

Надъ министромъ иль колонной
Ты не смѣйся, горе тутъ:
Станиславомъ иль Короной
Или чиномъ обойдутъ.
Или будетъ еще peggio:
Въ частный домъ тебя сведутъ
И по з . . . . . ѣ arpeggio
И crescendo зададутъ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Изъ рукописнаго сборника.

Въ „Русскомъ Архивѣ" (1909, VII, 505) напечатаны отрывки изъ „Сантиментальнаго путешествія" иной редакціи:

Теперь къ странамъ Италіи
Я опишу пріѣздъ.
Какія все каналіи
Живутъ въ тебѣ, Тріестъ!
Въ столицѣ сей Иллиріи,
Лѣтъ пять тому назадъ,
Мучительные чиріи
Покрыли весь мой .....
Не видя облегченія,
Я сѣлъ на пароходъ
И потерпѣлъ мученіе
Сосѣдственныхъ блевотъ.
Везутъ меня къ Венеціи,
Тутъ будетъ карантинъ,
И разныя жгутъ специи:

Таковъ у нихъ ужъ чинъ!
Не дуренъ храмикъ Маркуса.
Читали мы въ „Молвѣ“,
Что строенъ онъ въ честь Маркуса,
Что докторомъ въ Москвѣ.

Соболевскій путешествовалъ по Италіи въ началѣ 30-хъ годовъ. Заглавіе — намекъ на „Сантиментальное путешествіе по Италіи и Франціи“ Стерна.

Храмикъ Маркуса—св. Маркъ въ Венеціи. „Молва“—приложеніе къ „Телескопу“ Надеждина. Маркусъ—знаменитый московскій докторъ первой половины прошлаго вѣка.

Въ нѣсколько иномъ видѣ цитируетъ отрывокъ изъ этого „Путешествія“ въ письмѣ къ Соболевскому его пріятель И. С. Мальцовъ („Старина и Новизна“, VII, СПБ., 1904, стр. 180, отъ 3 марта 1844 г.):

Въ столицѣ же Иллиріи
Онъ былъ весьма не радъ,
Когда лихіе чиріи
Его покрыли .....

А. И. фонъ-КРУЗЕНШТЕРНУ.

„Русскій Архивъ“, 1902, II, 368.

Крузенштернъ служилъ въ дипломатической канцеляріи кн. Паскевича и отличался страстью ко всякимъ знакамъ отличія.

Переводъ: „О, еслибы я былъ монархомъ (это мнѣ подобаетъ), кто правилъ бы моимъ государствомъ и предводительствовалъ моими войсками? Кто носилъ бы мою звѣзду и мой орденъ? Конечно, никто другой, какъ ты, мой милый Александръ Ивановичъ фонъ-Крузенштернъ“.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ намъ встрѣтилась эта эпиграмма со слѣдующими варіантами:

1. Ach.
2. mich doch wohl.
3. Sitzen im Senat.
4. Wer würde.
5. meine Stern'.
6. meinen Orden.
7. meiner lieber.

НА ОТЪѢЗДЪ КНЯЗЯ ЧЕРНЫШОВА.

Изъ рукописнаго Сборника.

Чернышовъ—военный министръ. Его правую руку, Позена, обвиняли во взяточничествѣ.

EX CAMPIS ELYSIIS.

Изъ рукописнаго Сборника.

Соболевскій былъ близокъ къ Наполеону III и съ ненавистью относился къ нѣмцамъ. Его захватило шовинистическое настроеніе Парижа. Франко-прусская война разорила Соболевскаго и была причиной его смерти, такъ какъ онъ вложилъ во французскія бумаги почти всѣ свои деньги.

WIR ALLE LEIDEN...

Изъ рукописнаго Сборника.

А. В. Головнинъ — министръ народнаго просвѣщенія (1861—1870), Рейтернъ—финансовъ. Константинъ Николаевичъ, великій князь.

POUR ÉVITER...

Изъ рукописнаго Сборника.

Головнинъ — министръ народнаго просвѣщенія, Рейтернъ—финансовъ.

ПО ПОВОДУ ДВОРЯНСКИХЪ СОБРАНІЙ.

„Русскій Архивъ", 1881, II, стр. 494.

Насмѣшка надъ конституціонными мечтаніями русскаго дворянства, въ серьезность которыхъ Соболевскій не вѣрилъ.

Въ Московскомъ Дворянскомъ Собраніи хоры тогда совсѣмъ обветшали („гнилой сводъ").

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ намъ встрѣтилось второе изъ этихъ стихотвореній съ заглавіемъ: „Донесеніе въ С. Петербургъ ген.-губ. В. А. Долгорукова о московскихъ дворянскихъ выборахъ 1866 года" и варіантами:

4. не опасенъ.
5. О царь.

М. Н. КАТКОВУ ДРУЗЬЯ.

„Русскій Архивъ“, 1906, III, 621.

Въ 1862 г. Катковъ выступилъ съ рѣзкими статьями (въ арендуемыхъ имъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“) противъ барона Фиркса, писавшаго въ защиту поляковъ подъ псевдонимомъ Шедо-Феротти. А. А. Араповъ, Н. В. Сушковъ, С. П. Шиповъ и А. И. Менде (люди маленькаго роста) пришли въ восторгъ отъ этихъ статей и собрали многочисленныя подписи подъ благодарственнымъ адресомъ Каткову; А. В. Кирѣева отъ имени митроп. Филарета поднесла ему икону.

А. Менде—игра словъ: фамилія и Am Ende, въ концѣ, наконецъ.

АПРАКСИНОЙ.

Изъ рукописнаго сборника.

Помѣстье Апраксиныхъ Брасово было на границѣ Дмитровскаго и Сѣвскаго уѣздовъ (Орловской губерніи).

Послѣднія двѣ строчки этого стихотворенія приведены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885 (I, 143) въ такомъ видѣ:

Рай земной на рубежѣ
Уѣзда Дмитровскаго съ Сѣвскимъ.

А. О. СМИРНОВОЙ.

„Русскій Архивъ“, 1874, II, 462.

А. О. Смирнова, урожд. Россетъ,—пріятельница Пушкина, Гоголя, кн. Вяземскаго и Соболевскаго. Мужа ея, Н. М. Смирнова (калужскаго, позднѣе петербургскаго) губернатора Соболевскій не любилъ.

НАПИСАТЬ ХВАЛУ ВАМЪ СНОСНУЮ...

Изъ рукописнаго сборника.

ЛЕГЕНДА.

„Русскій Архивъ“, 1884, VI, 350—351.

Годендорфъ—вѣроятно, баронъ А. К. Мейендорфъ, представитель мануфактурнаго совѣта въ Москвѣ. См. стихотвореніе „На барона А. К. М.“

Канкринъ—министръ финансовъ. Вакумъ—vacuum, пустота.

НА БАРОНА А. К. М.

„Русскій Архивъ“, 1884, I, стр. 242; 1884, VI, 351.

Какой-то баронъ М. (вѣроятно, Мейендорфъ) читалъ въ Москвѣ рѣчь по экономическимъ вопросамъ. Соболевскому она показалась вздорной, и онъ написалъ на нее эпиграмму.

Ханыковъ и Любимовъ были въ Бухарѣ и Китаѣ по дипломатическимъ дѣламъ. М.—вѣроятно, бар. Алекс. Казим. Мейндорфъ (1798—1865), предсѣдатель мануфактурнаго совѣта въ Москвѣ, ставленникъ министра финансовъ Канкрина. Способствовалъ учрежденію выставокъ и коммерческихъ заведеній. Въ 1842 г. напечаталъ „Рѣчь, произнесенную при вступленіи въ званіе предсѣдателя московскаго отдѣла россійскаго мануфактурнаго и коммерческаго совѣтовъ“. Къ ней, можетъ быть, и относится эпиграмма Соболевскаго. Н. Ханыковъ издалъ описаніе Бухары въ 1843 г. См. еще стихотвореніе „Легенда“.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ мы встрѣтили эту эпиграмму съ заглавіемъ: „на Александра Казимировича Мейендорфа“.

КН. В. Ѳ. ОДОЕВСКОМУ.

„Русскій Архивъ“, 1903, III, 672; 1888, III, 296; 1874, II, 463—464.

Кн. Одоевскій увлекался и кулинарнымъ искусствомъ („Записки доктора Пуффа“) и музыкой. Какъ-то онъ пригласилъ Соболевскаго на приготовленную особеннымъ образомъ утку. Соболевскій отвѣтилъ акростихомъ—названія нотъ. Онъ жилъ тогда въ Москвѣ въ квартирѣ, подъ Одоевскимъ.

Н. Ф. ПАВЛОВУ.

См. Панаевъ, Соч., VI, стр. 192.

Н. Ф. Павловъ—беллетристъ и журналистъ 30—60-хъ гг. Соболевскій былъ съ нимъ во враждебныхъ отношеніяхъ.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ мы встрѣтили эту эпиграмму съ заглавіемъ: „Графу N. N.**“ и датой—1838. Текстъ таковъ:

От меня не бойся палокъ
Не за тѣмъ, что ты мнѣ жалокъ,
А затѣмъ, что страхъ мнѣ жалки
Щегольскія мои палки!

НА А. П. КЕРНЪ.

Павлищевъ, Воспомин. объ А. С. Пушкинѣ, стр. 70.

А. П. Кернъ—красавица, которой Пушкинъ посвятилъ свое стихотвореніе: „Я помню чудное мгновенье". У нея были некрасивыя ноги.

Можетъ быть, это стихотвореніе написано отъ имени бар. А. А. Дельвига, съ намеками на его жену, баронессу Софью Михайловну, вышедшую впослѣдствіи за Баратынскаго, и его ухаживаніе за А. П. Кернъ. Соболевскій встрѣчался съ Кернъ въ домѣ Дельвига.

Стихотвореніе это написано было около 1827 г. Его „безпрестанно твердилъ Пушкинъ".

„Русскій Архивъ" (1884, III, 349) даетъ его въ такомъ видѣ:

Ну, скажи, каковъ я?
Счастливъ безпримѣрно:
Баронесса Софья
Любитъ насъ навѣрно!
—„Что за простота!
Вѣдь она не та!
Я жъ нѣжнѣй кота,
Легче всякой серны
Къ ножкамъ милой Керны.
Ахъ, какъ онѣ скверны!

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ мы встрѣтили это стихотвореніе съ датой—1826 и варіантомъ (къ тексту „Русскаго Архива"):

9. Скокомъ къ ножкамъ.

А. Е. ШИПОВОЙ.

„Русскій Архивъ", 1908, I, 136—137; 1899, I, 206.

А. Е. Шипова—жена генерала С. П. Шипова. На одномъ засѣданіи Общ. Люб. Росс. Слов. она заняла съ мужемъ членскія мѣста. Соболевскій, какъ казначей и распорядитель на засѣданіяхъ Общества, попросилъ ихъ пересѣсть на мѣста для посѣтителей, что очень раздражило А. И.

Бонапартъ—Наполеонъ III, Монтихо—его жена, импер. Евгенія.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ намъ встрѣтилась эта эпиграмма съ заглавіемъ: „На жену С. П. Шипова", датой „29 марта 1859 г." и варіантами:

2. Умной.
5. Оттого.

ЭКСПРОМПТЪ ПРО С. П. ШИПОВА.

Изъ рукописнаго сборника.

НА ОСТАВЛЕНІЕ КН. ОДОЕВСКИМЪ ДОЛЖНОСТИ ДИРЕКТОРА РУМЯНЦЕВСКАГО МУЗЕЯ.

„Русскій Архивъ“, 1874, II, 463.

НА КОРОНАЦІЮ 1856 ГОДА.

„Русскій Архивъ“ 1899, I, 206.

НА М. С. НЕКЛЮДОВУ.

М. С. Неклюдова славилась своимъ безобразіемъ, огромными глазами и носомъ. См. „Старина и Новизна“ (VII, СПБ., 1904, стр. 194).

КЪ СВОЕЙ ПАЛКѢ.

Изъ рукописнаго сборника.

Мельгуновъ—вѣроятно, Ник. Александр. († 1867), писатель.

БЕЛЬВЕДЕРСКІЙ МИТРОФАНЪ.

Изъ рукописнаго сборника.

Бельведерскій Митрофанъ — вѣроятно, извѣстный духовный писатель и святоша А. Н. Муравьевъ, котораго такъ назвалъ въ одной своей эпиграммѣ Пушкинъ (см. его воспоминанія „Знакомство съ русскими поэтами“, Кіевъ, 1871, стр. 13).

НА Я. Ѳ. БЕРЕЗИНА-ШИРЯЕВА.

„Библіографъ“, 1892, I, 7—10.

Яковъ Ѳедуловичъ Березинъ-Ширяевъ — библіофилъ, выпустившій къ 1870 г. 7 томовъ „Матеріаловъ для библіографіи“, безъ алфавита и послѣдовательной нумераціи, съ громаднымъ количествомъ курьезныхъ ошибокъ и опечатокъ. Соболевскій всегда издѣвался надъ этимъ изданіемъ и называлъ „Матеріалы“—„ежами“, и Березина—„отцомъ ежей“. Ліонъ въ нихъ назывался Лугдуномъ, Леонардъ Фуксъ—Леонъ Фишіо, Теренцій христіанскій—Теренцій Кристіани и пр.

Въ 3-ей эпиграммѣ Соболевскій высмѣиваетъ употребленное Березинымъ написаніе „Сантиментальный". Это—передѣлка одной строфы эпиграммы „На засѣданіе Общ. Люб. Росс. Слов.", какъ и 4-ая эпиграмма.

Я ОТЪ МОЕЙ ЛЮБОВНОЙ БОЛИ...

„Русскій Архивъ", 1909, VI, 198. Письмо А. П. Елагиной отъ 21 марта 1842 г.

Относится къ неизвѣстному лицу. О немъ Соболевскій пишетъ Елагиной: „Съ вами на пароходѣ поѣдетъ особенно плѣнившая меня и мною обожаемая нѣкая особа".

С. П. ШЕВЫРЕВУ.

„Русскій Архивъ", 1909, VII, 487. Въ письмѣ отъ 30 августа 1830 г.

С. П. Шевыревъ—профессоръ Московскаго университета, историкъ русской литературы, критикъ и поэтъ; вмѣстѣ съ Погодинымъ издавалъ „Москвитянинъ".

НА ГР. В. А. СОЛОГУБА.

„Русскій Архивъ", 1895, I, стр. 359.

Гр. Сологубъ — авторъ „Тарантаса", беллетристъ и драматургъ. Соболевскій считалъ его человѣкомъ легкомысленнымъ и иронически относился къ его разговорамъ на общественныя темы. Сологубъ любилъ сочинять куплеты — экспромпты сь моднымъ тогда припѣвомъ: „благодарю, не ожидалъ!"

МАДАМЪ МЕНДЪ.

Изъ рукописнаго сборника.

Мендъ—вѣроятно, Менде.

НА М. Е. КУБЛИЦКАГО.

Изъ рукописнаго сборника.

М. Е. Кублицкій (1821—1875) писалъ въ 70-хъ годахъ о музыкѣ и театрѣ.

За границей онъ имѣлъ визитныя карточки съ надписью: „Monsieur de Koublitzky, homme de lettres de Russie."

КАМЕРЪ-ЮНКЕРУ.

„Русскій Архивъ“ 1906, III, 144.

Клюнкеръ — Сибирскій обозъ съ золотомъ (золотая монета?). Срв. эпиграмму на Пушкина.

А. С. ПУШКИНУ.

Павлищевъ, Воспом. объ А. С. Пушкинѣ, 338, 357.

Друзья издѣвались надъ запоздавшимъ камеръ-юнкерствомъ Пушкина; самъ великій поэтъ былъ очень недоволенъ имъ и подчинился только волѣ государя.

Клюнкеръ — золотая монета (по др. свѣдѣніямъ, Сибирскій обозъ съ золотомъ).

Гр. Бенкендорфъ, шефъ жандармовъ, все время преслѣдовалъ Пушкина; баронъ М. А. Корфъ, лицейскій товарищъ А. С., не любилъ его и всегда относился къ нему враждебно.

Кн. П. П. Вяземскій („Русскій Архивъ“, 1884, 4, стр. 426) цитируетъ первую эпиграмму въ такомъ видѣ:

Пушкинъ камеръ-юнкеръ,
Раззолоченный, какъ клюнкеръ.

НА ДВУХЪ ГРЕКОВЪ.

Изъ рукописнаго сборника.

В. Д. Д.

„Русскій Архивъ“, 1892, II, 397.

UN JOUR...

Изъ рукописнаго сборника. Текстъ испорченъ.

С. Д. НЕЧАЕВУ.

„Русскій Архивъ“, 1894, I, 115.

Имѣніе С. Д. Нечаева (сенатора и поэта, пріятеля Соболевскаго) было около Куликова поля, домъ — на Дѣвичьемъ полѣ.

Сергѣй и Иванъ — Соболевскій и Мальцовъ, тесть Нечаева.

С. Д. НЕЧАЕВУ.

„Русскій Архивъ“, 1894, I, 114.

Россъ — можетъ быть, бывшая русская колонія въ Сѣверной Америкѣ.

Чарльзъ Непиръ (1785 — 1860), англійскій адмиралъ, командовавшій въ 1854 г. надъ балтійскимъ флотомъ Англіи.

Стихотвореніе относится къ Крымской войнѣ.

С. Д. НЕЧАЕВУ.

„Русскій Архивъ“. 1894, I, 114—115.

С. Д. Нечаевъ, поэтъ, пріятель Соболевскаго, служилъ въ Московскомъ отдѣленіи Сената.

С. Д. НЕЧАЕВУ.

„Русскій Архивъ“, 1894, I, 113.

С. Д. Нечаевъ — сенаторъ, поэтъ, пріятель Соболевскаго,

Поздравленіе съ орденомъ Александра Невскаго.

„Васъ“—семью С. Д. Нечаева.

С. Д. НЕЧАЕВУ.

„Русскій Архивъ“, 1894, I, 113.

Отказъ отъ приглашенія на обѣдъ.

С. Д. Нечаевъ — сенаторъ и поэтъ, пріятель Соболевскаго.

КЪ ПОРТРЕТУ СЕНАТОРА С. Д. НЕЧАЕВА.

„Русскій Архивъ“, 1899, I, 205; 1894, I, 115.

Нечаевъ — пріятель Соболевскаго, поэтъ; жилъ съ нимъ въ Москвѣ въ одномъ домѣ.

ДѢТЯМЪ С. Д. НЕЧАЕВА.

„Русскій Архивъ“, 1898, III, 600; 1894, I, 114 — 115.

Стихотвореніе обращено къ семьѣ пріятеля Соболевскаго, сенатора и поэта С. Д. Нечаева.

О. С. ПАВЛИЩЕВОЙ.

Павлищевъ, Воспом. о Пушкинѣ, 187, 204.

О. С. Павлищева, урожденная Пушкина,— сестра поэта.

„Сестра и другъ поэта“— изъ стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго въ честь О. С. Павлищевой:

Поэта другъ, сестра и геній милый.

Братья — А. С. и Л. С. Пушкины.

Л. С. ПУШКИНУ.

Павлищевъ, Воспом. объ А. С. Пушкинѣ, стр. 183.

Л. С. Пушкинъ, братъ поэта, — школьный товарищъ, пріятель и собутыльникъ Соболевскаго; славился своими кутежами и долгами.

Л. С. ПУШКИНУ.

Павлищевъ, Воспом. объ А. С. Пушкинѣ, 337.

„Храбрый капитанъ“ тогда не могъ тратиться на шампанское и замѣнилъ его водкой—„ерофеичемъ“.

П. И. БАРТЕНЕВУ.

Изъ рукописнаго сборника.

П. И. Бартеневъ — издатель „Русскаго Архива“.

И. А. КАЛМЫКОВУ.

См. Панаевъ, Соч., IV. Спб. 1888, стр. 17.

Калмыковъ былъ учителемъ логики въ Благородномъ пансіонѣ. Соболевскій написалъ эту эпиграмму, когда учился въ пансіонѣ. Калмыковъ, знавшій ее, передѣлалъ вторую строчку такъ:„обучаетъ дураковъ“ (ib. стр. 19).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Кн. П. И. ШАЛИКОВЪ и С. А. СОБОЛЕВСКІЙ.

(Къ характеристикѣ литературныхъ нравовъ 20-хъ и 30-хъ гг. XIX в.)

Культурность обществъ измѣряется прежде всего и больше всего удѣльнымъ вѣсомъ всякой человѣческой личности и всякаго человѣческаго достоинства, независимо отъ общественнаго, служебнаго и матеріальнаго положенія даннаго лица.

Приниженіе личности всегда идетъ объ руку съ раболѣпствомъ и шутовствомъ, какъ *общественнымъ учрежденіемъ.* Обратная сторона медали — хлестаковщина и самозванство, какъ минутныя выпрямленія, если можно такъ выразиться, сдавленной и поруганной личности.

Все это въ широкой степени знала и знаетъ русская жизнь. До новѣйшихъ временъ „шуты и шутихи", „дураки и дуры" были необходимою принадлежностью нашего придворнаго и общественнаго быта; однихъ на это поприще гнала нужда, другихъ — прирожденное „пылкое раболѣпство", по характерному выраженію Грибоѣдова. Стремленіе найти шута, безобидную мишень для всякихъ надругательствъ и издѣвательствъ, поставить ближняго въ положеніе „дурацкой персоны"— одна изъ очень характерныхъ чертъ нашей общественной физіономіи.

Не заходя слишкомъ далеко въ глубь вѣковъ, обратимся хотя бы къ XVIII в.

Кн. Куракинъ такъ разсказываетъ о забавахъ Петра Великаго: „отъ того начала ругательство началось знатнымъ пер-

сонамъ и великимъ домомъ, а особливо княжескимъ домомъ многихъ старыхъ бояръ: людей полныхъ протаскивали сквозь стула, гдѣ невозможно статься, на многихъ платья дирали и оставляли нагишомъ (на морозѣ)... отчего единъ Мясной, думной дворянинъ, умеръ. Инымъ многія другія ругательства чинили. И сія потѣха святковъ такъ происходила трудная, что многія къ тѣмъ днямъ пріуготовливалися, какъ бы къ смерти" *).

При Аннѣ Іоанновнѣ кн. Голицына заставляли кудахтать курицей и садиться надъ лукошкомъ съ яйцами, а Третьяковскій долженъ былъ ползать по полу, кривляться для общей потѣхи и получать удары палками — въ благодарность. Даже при Екатеринѣ II Фонвизинъ задаетъ свой горькій и ядовитый вопросъ: „Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ и весьма большіе?", на что Императрица только и нашлась отвѣчать: „Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. Сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли".

Грибоѣдовъ по „свѣжимъ преданіямъ" описывалъ случаи добыванія карьеры затылкомъ — припомнимъ куртаги Екатерины и „случай" знаменитаго Максима Петровича.

Въ дворянскомъ быту шутовство и другія проявленія грубаго неуваженія къ чужой личности сохранились до самаго послѣдняго времени, несмотря на всѣ перемѣны въ общественной жизни. Вообще, это одинъ изъ основныхъ элементовъ нашей народной психологіи.

Не могъ онъ, конечно, не отразиться и на учено-литературной средѣ.

Такъ, общимъ посмѣшищемъ былъ когда то Третьяковскій; наиболѣе культурный человѣкъ XVIII в., основатель Московскаго университета, Шуваловъ, забавлялся тѣмъ, что стравливалъ Ломоносова съ Сумароковымъ; Державинъ съ друзьями

---

*) „Архивъ кн. Куракина", томъ I, Спб., 1890, стр. 74.

увеселялся выходками сумасшедшаго Чупятова; 20 и 30-е годы имѣли своихъ шутовъ въ лицѣ А. А. Орлова (увѣковѣченнаго Пушкинымъ), гр. Д. И. Хвостова и кн. П. И. Шаликова.

Печатныя и непечатныя издѣвательства надъ послѣднимъ не знали никакой мѣры и настолько переходили границы всякихъ приличій, что о многомъ до сихъ поръ еще совсѣмъ нельзя писать.

Конечно, самъ Шаликовъ часто давалъ поводы для злостныхъ шутокъ.

Плохой поэтъ и очень слабый журналистъ, онъ былъ очень претенціозенъ и постоянно лѣзъ въ первые ряды русской литературы. Наивный, довѣрчивый и недалекій человѣкъ, онъ охотно шелъ на удочку и постоянно попадалъ впросакъ, одинъ забавнѣе другого. Его слезливость и жеманность носили совершенно комическій характеръ.

Извѣстный дѣятель III Отдѣленія Николаевскихъ временъ, фонъ-Фокъ, писалъ въ 1827 году въ офиціальномъ донесеніи Дибичу („Русская Старина", 1901, I, 99): „извѣстный князь Шаликовъ... съ давняго времени служитъ предметомъ насмѣшекъ для всѣхъ занимающихся литературою. Въ 50 лѣтъ онъ молодится, пишетъ любовные стихи, влюбляется и принимаетъ эпиграммы за похвалы. Мѣсто редактора получилъ онъ по протекціи И. И. Дмитріева, которому онъ служитъ пластрономъ (предметомъ насмѣшекъ) подъ веселый часъ. Этотъ князь Шаликовъ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній для издаванія политической газеты и даже лишенъ природной смѣтливости". Дальше фонъ-Фокъ упоминаетъ объ его „глупости и неспособности".

Кто бы могъ, кромѣ него, написать, положимъ, такую рецензію о „*Наложницѣ*" [1]) Баратынскаго: „*Новое сочиненіе Баратынскаго, въ стихахъ. М. Въ типографіи Семена. 1831, на веленевой бумагѣ; цѣна 10 руб. 80 коп.*" Странное поло-

[1]) *Дамскій Журналъ* 1831, томъ XX, стр. 111.

женіе журналиста: вышло новое сочиненіе на отечественномъ языкѣ, и журналистъ не можетъ говорить о семъ сочиненіи, не можетъ даже наименовать его!.. По *книжнымъ* объявленіямъ многіе догадаются, о какомъ сочиненіи идетъ рѣчь; что же касается до насъ, то мы, уважая, будучи обязаны *болѣе другихъ* журналистовъ [1]) уважать благоприличіе, скажемъ со всею искренностію, что мы... не читали сего новаго сочиненія, *новаго* даже и по самому *заглавію* своему и, слѣдовательно, не знаемъ, возлагаетъ ли оно на главу сочинителя новый вѣнокъ— конечно, не вѣнокъ *Грацій*, но по крайней мѣрѣ... свитый изъ рокового платка, столь важнаго для героинь одного имени съ героинею *сочиненія Баратынскаго*, въ стихахъ"?

Воейковъ засадилъ его въ свой „Домъ сумасшедшихъ" въ слѣдующемъ видѣ:

Вотъ на розовой цѣпочкѣ
Спичка Шаликовъ въ слезахъ.
Разрумяненный въ вѣночкѣ,
Въ ярко-бланжевыхъ чулкахъ,
Прижимаетъ вѣникъ страстно,
Кличетъ грацій здѣшнихъ мѣстъ
И, мяуча сладострастно,
Размазню безъ масла ѣстъ.

Кн. Вяземскій прозвалъ его „Вздыхаловымъ" и такъ изображалъ его „первый выходъ" [2]):

Съ собачкой, съ посохомъ, съ лорнеткой
И съ миртовой отъ мошекъ вѣткой,
На шеѣ съ розовымъ платкомъ,
Въ карманѣ съ парой мадригаловъ
И съ чуть звенящимъ кошелькомъ
По свѣту бѣлому Вздыхаловъ
Пустился странствовать пѣшкомъ.
„Прости, жестокая Аглая!"
Онъ говоритъ въ послѣдній разъ,
И вздохъ за вздохомъ, грудь вздымая,

---

[1]) Намекъ на *Дамскій* Журналъ.

[2]) Соч., томъ III, стр. 275.

Его перерываютъ гласъ.
„Прости, Макаровъ, другъ любимый,
И ты, о Бланкъ неистощимый [1]),
Единственный читатель мой!
Вотъ вамъ мое благословенье!
Кроплю васъ тихою слезою“...
И, прочной дружбы въ увѣренье,
Кольнувъ булавкой палецъ свой,
Онъ по тафтицѣ пишетъ кровью:
„Дышу до гроба къ вамъ любовью,
До гроба, или я не Стернъ,
Или по крайности не Вернъ“ [2]).
Тутъ онъ вздохнулъ, перекрестился,
Еще вздохнулъ — еще — и скрылся...

Въ 1824 г. С. А. Соболевскій, пріятель Пушкина, извѣстный острякъ и эпиграмматистъ, сыгралъ съ нимъ жестокую шутку [3]).

Подъ псевдонимомъ И. Кіевскаго онъ прислалъ Шаликову невинную съ перваго взгляда шараду (кстати, необходимый

---

[1]) Сотрудники Шаликова.

[2]) Сантиментальные писатели.

[3]) Мы узнали о ней слѣдующимъ образомъ.

Въ Румянцевскомъ музеѣ хранится теперь библіотека извѣстнаго библіографа Полторацкаго. Прекрасный подборъ книгъ, обиліе библіографическихъ рѣдкостей, удивительная сохранность экземпляровъ дѣлаютъ ее драгоцѣннымъ украшеніемъ Музея. Пересматривая ее, мы натолкнулись на очень любопытный фактъ: на многихъ книгахъ сохранились библіографическія помѣтки прежняго владѣльца, иногда представляющія большой историко-литературный и библіографическій интересъ.

На экземплярѣ *Дамскаго Журнала* кн. Шаликова 1824 г. мы нашли такую надпись: „часть 7, № 17, стр. 164—165. Шарада (анаграмма противъ кн. Шаликова) Кіевскаго (псевдонимъ С. А. Соболевскаго), надѣлавшая въ то время много шума. Разгадка на стр. 209, въ № 18“.

Шарада оказалась акростихомъ. Въ слѣдующемъ номерѣ бѣдный Шаликовъ наивно помѣстилъ разгадку: „Каракалпакъ“. Нужныя для другой разгадки буквы мы обозначаемъ курсивомъ.

отдѣлъ тогдашнихъ журналовъ), искусно поддѣлавшись подъ общій тонъ Шаликовскихъ шарадъ. Довѣрчивый редакторъ поспѣшилъ ее напечатать.

„*Ша*рады трудно сочинять!“
*Л*изета мнѣ вчера сказала —
  И что жъ? Сама же приказала
*К*акъ можно поскорѣй шараду написать.
„*О*днако жъ“, я сказалъ... „Не слушаю ни слова!“
„*В*отъ вамъ, сударыня, шарада и готова.“
  „*Г*отова? Такъ извольте прочитать!“
  „*Л*юбимецъ юга и природы
*У*жъ вѣрно бъ два мои вамъ первые сказалъ;
  *П*овѣрите ль, что то же на народы,
  *К*арая ихъ, Всесильный насылалъ;
  А чтобъ конецъ вамъ изъяснить скорѣе,—
*К*огда ложусь я спать, чтобъ было мнѣ теплѣе,
  *Ка*къ чепчикъ, я его изволю надѣвать.
  Теперь лишь цѣлое осталось:
  *Л*егко его на картѣ пріискать;
  *О*но — толпа, что въ Азіи скиталась.
*Д*овольно! думайте—чтобъ не пришлось сказать:
А крышка ларчика вѣдь просто открывалась!“

О настоящей разгадкѣ: „Шаликовъ глупъ, какъ ка (о) лода“ бѣдный журналистъ узналъ, вѣроятно, слишкомъ поздно...

При всей своей смѣхотворности, Шаликовъ былъ очень добръ и отводилъ въ своемъ журналѣ много мѣста дѣлу благотворенія: призывалъ общество на помощь бѣднымъ, изображалъ весь ужасъ ихъ положенія, благодарилъ за оказанную поддержку и довѣріе къ себѣ и пр. Все это довольно патріархально и наивно, но въ общемъ производитъ даже умилительное впечатлѣніе.

Всѣ это знали, и все это не мѣшало ему быть общимъ „пластрономъ“ въ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

*) Послѣдняя цифра—примѣчанія, первая—текстъ.

